«NOVY DOM» — «LA MAISON NOUVELLE».
REVUE LITTÉRAIRE

НОВЫЙ ДОМЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПАРИЖЪ
1927

СОДЕРЖАНІЕ:

		Стр.
СТИХИ	Георгія Иванова	3
	Глѣба Струве	5
	Всеволода Фохта	6
«Сухая солома», *разсказъ*	Ирины Одоевцевой	9
«Первая ягода», *разсказъ*	Николая Рощина	18
«Зыгмусь», *разсказъ*	Галины Кузнецовой	24
«Да — нѣтъ», *статья*	Антона Крайняго	30
«Окольные пути», *статья*	Юрія Терапіано	34
БИБЛІОГРАФІЯ		
«Борьба за Россію»	Льва Пущина	37
Письмо Георгію Адамовичу	Вл. Злобина	40
Р.-М. Рильке.	Б. Власьевскаго	41

«NOVY DOM» — «LA MAISON NOUVELLE».
REVUE LITTÉRAIRE

НОВЫЙ ДОМЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Подъ редакціей:
ДОВИДА КНУТА, ЮРІЯ ТЕРАПІАНО и ВСЕВОЛОДА ФОХТА.

N 3

ПАРИЖЪ
1927

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Скажи, мой другъ, скажи,
(Не надо лжи)
Скажи мнѣ правду
Хоть разъ одинъ.

— Сказать я не могу,
Я все равно солгу—
Такъ приказалъ мнѣ
Мой Господинъ.

Скажи, мой другъ, скажи,
(Не надо лжи)
Открой мнѣ правду
О Немъ хоть разъ.

— О, еслибъ я открылъ,
Тебя бы ослѣпилъ
Блескъ синихъ крылъ
И черныхъ глазъ...

Декабрь 1926 г.

2.

Глядя на огонь или дремля,
Въ опьяненьи полусонномъ,
Слышишь, какъ летитъ земля
Съ безконечнымъ легкимъ звономъ.

Слышишь, какъ растетъ трава,
Какъ джазъ-бандъ гремитъ въ Парижѣ...
И мутнѣющая голова
Опускается все ниже.

Такъ и надо — голову на грудь
Подъ блаженный шорохъ моря или сада.
Такъ и надо — навсегда уснуть,
Больше ничего не надо.

Георгій Ивановъ.

Январь 1927 г.

Въ лиловомъ небѣ — облака,
Похожія на клочья ваты.
Чуть горьковатый запахъ мяты
Доносится издалека.

Покоится въ своемъ руслѣ,
Извѣдавъ солнечнаго сѣва,
Рѣка, лѣнивая какъ дѣва,
Припавшая къ сырой землѣ.

И какъ неповторимый сонъ —
На западѣ чуть золотится
Низвергнутая колесница,
Которой правилъ Фаэтонъ.

Глѣбъ Струве.

Ноябрь 1926 г.

АФРИКА.

(Изъ поэмы «Поприще», ч. 2-ая).

За тридцать дней отъ Тенерифа
Конечный африканскій портъ;
Радушный покидаю бортъ.
Легли грядою пѣнной рифы
Вдоль отмелей, и корабли
Стоятъ далеко отъ земли;
И въ чернокожія пироги,
Какъ на танцующія дроги,
Лебедками грузятъ мѣшки,—
И ящики, и сундуки
Спускаютъ, съ грохотомъ угрюмымъ;
Машины, бочки и тюки
Повисли надъ открытымъ трюмомъ —
Европы всевозможный хламъ,
Что неграмъ продается тамъ.
Я слышу странныя названья,
Англійскій ломаный языкъ,
Гортанный, первобытный зыкъ,
И крикъ, — и вопли ликованья,
Когда съ непригнанныхъ крюковъ
Сорвется нѣсколько мѣшковъ.
Вотъ, наконецъ, вельботъ моторный.
Сидятъ французы по чинамъ;

Проходимъ устье, къ пристанямъ —
Мнѣ тамъ отведенъ домъ просторный;
Онъ на столбахъ, и окруженъ
Верандою со всѣхъ сторонъ.
На головахъ огнеупорныхъ
Несетъ багажъ орава черныхъ;
Глотаю хину, соду пью;
Кровать походную мою
Мнѣ ставятъ трое негровъ важныхъ —
И смутный сонъ я познаю
Въ ночахъ удушливыхъ и влажныхъ.

Страна, гдѣ ищетъ съ давнихъ поръ
Богатства проходимецъ смѣлый;
Гдѣ черный человѣкъ и бѣлый
Ведутъ съ природой тщетный споръ;
Гдѣ наши жизни невѣсомѣй
Москитовъ надъ потокомъ водъ;
Гдѣ тотчасъ крѣпнетъ быстрый всходъ
И дремлетъ въ длительной истомѣ;
Непроницаемы лѣса,
Упоены животной кровью,
И торжествуютъ небеса
Надъ плодотворною любовью;
Ночь постоянно дню равна;
Лишь ненадолго тишина
Нисходитъ — дѣлитъ сутки дважды,
И къ вечеру пришелецъ каждый,
Не въ силахъ память превозмочь,
Безмолвно вспомнитъ объ отчизнѣ....
Непрекращающейся жизни
Полна тропическая ночь —
Любви, охоты и тамъ-тама,
Вплоть до предутреннихъ часовъ;
То, въ хорѣ трубныхъ голосовъ,
Слонъ побѣдитъ гиппопотама,
То долгій пронесется вой,
И повторяется упрямо
Подъ неподвижною листвой.
Всѣ силы страсти въ дикой схваткѣ

Рожденіе и смерть сплели;
Глубокій, внятенъ хоръ земли —
И въ перерывахъ лихорадки
Лежу, усталый, въ тишинѣ,
И голосъ внутренній и строгій
Ему отвѣтствуетъ во мнѣ;
Я чаще думаю о Богѣ....

Я древность міра тамъ постигъ,
И тамъ, какъ темные покровы,
Я съ памяти сорвалъ сурово
Косноязычный лепетъ книгъ;
Освобожденный отъ вліянья
Классическаго воспитанья,
Тогда себя я понялъ вновь,
И первую мою любовь —
Въ воспоминаньи миротворномъ,
Въ горѣньи духа непритворномъ,
Что, можетъ быть — и только разъ —
Дано поэту въ вѣщій часъ
Когда на міръ одушевленный,
Какъ плѣнникъ смерти, смотритъ онъ
И любящій, и умиленный, —
И отражаетъ преломленный
Единый зиждущій законъ.
И я пустился въ путь обратный,
Казалось прежде, невозвратный;
Надеждой новой обуянъ,
Слѣдилъ паденье термометра —
И юго-западные вѣтры
На сѣверъ гнали океанъ.

Всеволодъ Фохтъ.

СУХАЯ СОЛОМА.

Вика сидитъ на кровати, свѣсивъ босыя ноги, и грустно смотритъ на нарисованную на обояхъ кошку. Няня уже два раза приходила одѣвать его, но Вика отталкиваетъ ее. Оставь! Уходи! И снова смотритъ на кошку. И что въ ней интереснаго? Обыкновенная сѣрая кошка. И должно быть дура. Вика и живыхъ не любитъ, а эта дохлая. А что у нея бантъ розовый, такъ вѣдь не настоящій, только такъ, для обоевъ. И все-таки Вика всегда смотритъ на нее по утрамъ, когда грустно. А грустно бываетъ часто. Такъ грустно, что ничего не хочется, даже на лодкѣ кататься. Оттого, что ночью снятся дурные сны, а вспомнить ихъ нельзя. Противная кошка! эта она виновата. Не сидѣла бы тутъ — все было бы хорошо.

Дверь открывается. Въ дѣтскую входитъ мама въ нижней юбкѣ съ вышивкой въ дырочки. Волосы ея заплетены въ двѣ косы, плечи голыя.

Мама дѣлаетъ строгое лицо.

— Няня говоритъ, что ты опять капризничаешь. Смотри у меня.

Но Вика не вѣритъ. Онъ утыкается головой въ мамину юбку.

— Мама, мнѣ скучно, мнѣ скучно.

Юбка въ дырочки шуршитъ. Отъ нея пахнетъ розой и еще чѣмъ-то неопредѣленнымъ и нѣжнымъ —мамой. Во рту становится сухо, подбородокъ начинаетъ дрожать; Вика громко плачетъ.

— Скучно!

Мама опускается на колѣни, обнимаетъ Вику, цѣлуетъ его мокрыя щеки.

— Вика, не плачь. Стыдно. Ты маму обижаешь, ты Бога обижаешь.

Но Вика всхлипываетъ.

— Скучно.

Мама гладитъ викины свѣтлые волосы. У нея такое-же, какъ у Вики маленькое, круглое грустное лицо.

— А ты думаешь, мнѣ не скучно?

Вика отъ удивленія перестаетъ плакать.

— Тебѣ скучно? Но вѣдь ты — мама.

Мама—это что-то вродѣ феи. Только еще лучше. Развѣ мама можетъ скучать?

Мама смѣется.

— Ну, конечно. Я пошутила. Давай-ка одѣваться.

Вика тоже смѣется и спрыгиваетъ съ кровати.

— А гдѣ твой ангелъ? Я тебѣ его пришпилила къ стѣнкѣ, чтобы ты хорошіе сны видѣлъ. Гдѣ-же онъ?

— Онъ, мамочка, улетѣлъ подъ кровать.

Мама нагибается и достаетъ изъ подъ кровати картинку бѣлокураго ангела съ бѣлыми крыльями.

— Вотъ мы его сюда надъ изголовьемъ повѣсимъ, тогда намъ и весело будетъ.

Мама прикалываетъ ангела къ обоямъ, какъ разъ на противную кошку. Ангелъ закрываетъ кошку. И сразу становится весело.

— Ты его, мама, совѣтуетъ Вика, пришпили за крылышко, чтобы онъ улетѣть не могъ.

Вика осторожно открываетъ дверь зала . Въ залъ онъ ходить не любитъ. Въ залѣ страшно, онъ такой большой, стулья стоятъ въ бѣлыхъ чехлахъ и никого тамъ никогда нѣтъ. Но сейчасъ передъ длиннымъ чернымъ роялемъ сидитъ мама и поетъ. По обѣ стороны горятъ свѣчки. Окна открыты. Въ окна виденъ черный садъ, бѣлые кусты жасмина и на небѣ луна. Паркетъ блеститъ, блестятъ зеркала и хрустальныя подвѣски на люстрахъ. Вика стоитъ у двери. Какъ хорошо и непонятно поетъ мама. Дядя Коля говоритъ, какъ ангелъ. Но Вика знаетъ, что ангелы безъ голоса. Такъ — вродѣ рыбъ...

Мамины руки быстро бѣгаютъ по клавишамъ, голова наклоняется то впередъ, то назадъ, а складки бѣлаго платья лежатъ на полу такъ спокойно, сами по себѣ, какъ будто имъ и дѣла нѣтъ до того, что мама поетъ.

Викѣ хорошо, и грустно, и плакать хочется. Вотъ она какая, его мама. Только бы она пѣла. Но мама вдругъ умолкаетъ. Черная крышка рояля захлопывается надъ бѣлыми клавишами, какъ будто негръ закрылъ ротъ. Мама оборачивается.

— Вика!

Вика подбѣгаетъ къ ней.

— Мамочка, спой. Спой еще. Спой это:

Идетъ коза рогатая,
На молоко богатая,
Глаза выпучила,
Морда глиняная.

Мама обнимаетъ его.

— Вика, Викочка, только для тебя я здѣсь живу. Только изъ-за тебя все переношу. Если-бы не ты...

У Вики мокрыя щеки. Что это? Мама плачетъ.

Дверь открывается. Входитъ отецъ.

— Ты могла-бы не устраивать сценъ мальчику.

Отецъ всегда говоритъ «мальчикъ», «ребенокъ», а не Вика— и это очень обидно.

Онъ беретъ Вику за плечо.

— Уже десять часовъ. Маршъ спать.

Въ корридорѣ Вика слышитъ мамины слова:

— Такъ я даже не смѣю поцѣловать собственнаго сына?

Няня подтыкаетъ одѣяло, тушитъ свѣчу и уходитъ.

— Спи съ Богомъ!

Вика жмурится. Отъ лампадки идутъ длинные синіе, острые лучи. Вика прижимается къ холодной подушкѣ.

«Вотъ выросту», думаетъ онъ, засыпая, «папу убью, а мамѣ куплю шляпу большую, какъ домъ».

— Мама, я устроилъ музей!

Вика, задыхаясь, вбѣгаетъ на терассу.

Мама сидитъ въ креслѣ и читаетъ письмо. Она вздрагиваетъ и быстро закрываетъ письмо книгой.

— Ахъ, Вика, ты меня испугалъ.

— Я устроилъ чудный музей. Идемъ, посмотри.

— Музей? удивляется она. Ну, хорошо, хорошо, подожди.

Мама снова читаетъ письмо. Вика отъ волненія переступаетъ съ ноги на ногу, но мама не замѣчаетъ. Она, улыбаясь, цѣлуетъ письмо и прячетъ его за вырѣзъ платья.

— Гдѣ-же твой музей, Вика?

Вика тянетъ ее за руку.

— Идемъ, идемъ скорѣе.

Они спускаются въ садъ, идутъ мимо жасминовыхъ кустовъ. Мама держитъ викину руку въ своей. Ея маленькія ноги въ красныхъ туфляхъ, какъ двѣ мышки, то осторожно высовываютъ мордочки, то снова прячутся въ бѣлыя юбки.

Солнце розовое, небо совсѣмъ голубое, а трава зеленая. Пахнетъ жасминомъ и майскими жуками.

— Какъ хорошо, говоритъ мама, улыбаясь.

— Я устроилъ музей, повторяетъ Вика дрожащимъ отъ гордости голосомъ и подводитъ маму къ цвѣточной клумбѣ.

— Вотъ смотри!

На длинныхъ бѣлыхъ палкахъ, поддерживающихъ левкои, посажены живыя, корчащіеся и дрыгающія лапами лягушки. На самый высокой палкѣ извивается ящерица.

Вика захлебывается отъ восторга

— Вотъ мой музей!

— Ай!—испуганно вскрикиваетъ мама, и вырвавъ руку изъ викиныхъ пальцевъ, не оборачиваясь бѣжитъ къ дому.

Отъ толчка Вика падаетъ, но мама даже не останавливается. Онъ встаетъ, третъ ушибленное колѣно и бѣжитъ за ней, громко плача отъ обиды и боли.

По краю дороги росли ивы. Глядя на нихъ, Вика всегда вспоминалъ дѣтство, свое послѣднее лѣто въ Студенкѣ. Дальше вспоминать онъ не любилъ. Дальше шло непріятное — революція, Кіевъ, Константинополь...

Вика шагалъ по широкой, бѣлой, нормандской дорогѣ. Сейчасъ поворотъ. За поворотомъ распятіе, потомъ садъ и голуби кружащіеся надъ крышей дома Наталіи Николаевны. Каждое утро и каждый вечеръ Вика ходилъ за шесть километровъ къ Наталіи Николаевнѣ только для того, чтобы сказать ей «съ добрымъ утромъ» или «спокойной ночи». Больше ему ничего не нужно было. Но всетаки, если бы хоть разъ застать ее одну!..

Вика остановился передъ калиткой, вытеръ запыленные сапоги носовымъ платкомъ, пригладилъ волосы, переложилъ васильки изъ правой руки въ лѣвую — такъ удобнѣе — и вошелъ въ садъ.

Только-бы не покраснѣть... Но сердце громко застучало, щеки залились краской, а ноги стали чужими и тяжелыми.

Садъ былъ небольшой. Въ концѣ обсаженной розами дорожки бѣлѣлъ домъ. Наталія Николаевна пила кофе на верандѣ. И конечно у нея уже сидѣли гости. Справа французъ, черный, въ круглыхъ очкахъ, слѣва толстый офицеръ-врангелевецъ.

Французъ разсказывалъ что-то. Стекла его очковъ блестѣли.

Наталія Николаевна слушала щурясь, отъ солнца и тихо смѣясь.

Вика поднялся на веранду. Онъ чувствовалъ робость и злость. Она смѣется... Значитъ ей нравится...

Наталія Николаевна посмотрѣла на него, все еще щурясь, и протянула ему загорѣлую, голую до плеча руку. Вика торопливо поцѣловалъ воздухъ, не успѣвъ коснуться губами ея пальцевъ.

— Здравствуйте, Наталія Николаевна! Онъ неловко протянулъ ей васильки и еще больше покраснѣлъ.

Она, улыбаясь, взяла цвѣты.

— Сами собирали? Какъ это мило. Мама здорова? Хотите кофе, Вика?

Но Вика торопился уйти.

— Нѣтъ, спасибо. Мнѣ надо домой.

— Уроки готовить?—насмѣшливо усмѣхнулся офицеръ.

Вика дернулся.

— Какіе уроки? Теперь каникулы. До свиданія, Наталія Николаевна.

И поклонившись ей, только ей, онъ повернулся и вышелъ.

Офицеръ засмѣялся ему вслѣдъ.

— Тоже поклонникъ.

— Перестаньте, крикнула Наталія Николаевна. Онъ милый, ужасно милый и...

Калитка скрипнула. Вика не слышалъ, что дальше. Но ему и этого довольно. Она сказала: онъ милый, ужасно милый...

Стало замѣтно жарче. Теперь солнце стояло прямо надъ головой и отъ деревьевъ на бѣлую пыльную дорогу ложились короткія, совсѣмъ черныя тѣни.

Посреди скошеннаго поля желтѣла большая золотистая скирда, кругомъ валялась солома. Вика подошелъ къ ней, легъ на солому и, запрокинувъ голову, сталъ смотрѣть въ голубое небо на одинокое, бѣлое, лѣнивое облако.

Какое солнце... Какъ пахнетъ разогрѣтой землею. Какъ жарко... Нѣтъ, это не землею пахнетъ, а духами Наталіи Николаевны. И не облако это, а ея бѣлое платье. Вотъ оно вздрогнуло, какъ бабочка срывающаяся съ цвѣтка, и медленно, плавно полетѣло внизъ.

На мгновенье сердце Вики остановилось. Какое-то невыразимое блаженство подкатило къ горлу и медленно, томительно, сладко расползлось по всему тѣлу. Бѣлое платье, шурша и благоухая, покрыло его всего легкимъ, прозрачнымъ шелкомъ...

... Вика все еще лежалъ, глядя въ небо. Во рту пересохло, голова кружилась. Бѣлое облако опять плыло высоко въ пустомъ раскаленномъ небѣ, но оно уже совсѣмъ не походило на платье Наталіи Николаевны...

На терассѣ, завѣшанной бѣлымъ полотномъ, мама ждала его съ завтракомъ.

— Что съ тобой, Вика? Ты такой блѣдный. И синяки подъ глазами. Не надо ходить по жарѣ.

Вика нехотя ѣлъ окрошку, нагнувшись надъ тарелкой.

— Я получила письмо отъ отца. Онъ, можетъ быть, пріѣдетъ навѣстить тебя черезъ недѣлю. Ты радъ?

— Очень радъ, отвѣтилъ онъ равнодушно и посмотрѣлъ на нее.

Такое-же бѣлое, короткое платье, такія-же голыя загорѣлыя руки и волосы такъ-же подстрижены, только у Наталіи Николаевны свѣтлѣе.

— Какая ты красивая, мама.

Она слегка покраснѣла отъ удовольствія и отвернулась. Вика тоже покраснѣлъ. Вѣдь онъ сейчасъ сказалъ то, что такъ давно хотѣлъ и не смѣлъ сказать Наталіи Николаевнѣ.

Какъ пріятно было бы идти и мечтать о ней, если бы не такъ стучало сердце и горло не сжималось отъ волненія.

Ласточки летаютъ низко. Коровы возвращаются съ пастбища, позванивая колокольчиками. У дороги лежитъ большой сѣрый камень.

Счастливый камень. Лежитъ себѣ и ничего не думаетъ, ничего не чувствуетъ, никого не любитъ...

Тихо, прохладно и почти темно... Вика проходитъ по маленькому саду, подымается на веранду.

Наталія Николаевна сидитъ въ креслѣ около большой желтой лампы. Она закрываетъ книгу и улыбается Викѣ.

— Какъ хорошо, что вы пришли. Я сегодня одна. Мнѣ очень скучно. Поболтайте со мной.

Вика садится на стулъ, краснѣетъ и молчитъ.

— Сколько вамъ лѣтъ, Вика?

— Скоро семнадцать. А что?

— Скоро? Когда?

— Въ августѣ.

Наталія Николаевна смѣется.

— Какой вы еще маленькій. Уже поздно. Вамъ должно быть уже пора спать.

— Я никогда не ложусь раньше двѣнадцати.

— Неужели? И мама позволяетъ?

Наталія Николаевна протягиваетъ ему коробку конфетъ. Вика беретъ помадку, кладетъ ее въ ротъ и давясь, съ трудомъ и отвращеніемъ проглатываетъ.

— Возьмите еще. Вы навѣрно любите сладкое.

Она поднимаетъ голыя, тонкія руки , поправляетъ волосы и склонивъ голову на бокъ выжидательно, какъ-то по птичьи смотритъ на него.

— Ну, что-же вы? Мы такъ и будемъ молчать? Вамъ со мною скучно.? Пойдемте лучше кролика смотрѣть. У меня кроликъ. Бѣленькій, пушистый. Сегодня только принесли. Онъ въ клѣткѣ сидитъ.

Она встаетъ, беретъ Вику подъ руку.

— Я въ темнотѣ ужасно неуклюжая,. Не уроните меня.

Вика боится споткнуться отъ волненія.

Они проходятъ подъ тихими темными, деревьями, останавливаются у клѣтки.

— Ничего не видно, разочарованно говоритъ Наталія Николаевна. Кроликъ спитъ. Подождите, я позову его. Только, какъ его звать? Цыпъ, цыпъ, цыпъ? Пойметъ-ли онъ по цыплячьи! Она закидываетъ голову и смѣется. Ея глаза и зубы блестятъ. — Кроличекъ, маленькій, бѣленькій, выходи. Не хочешь? Ну, и не надо. Плакать не будемъ. Спи себѣ.

Они снова сидятъ на верандѣ.

Наталія Николаевна вставляетъ папиросу въ длинный хрустальный мундштукъ и закуриваетъ.

— А вамъ всетаки пора спать.

Вика встаетъ.

— Если я вамъ мѣшаю...

— Нѣтъ, нѣтъ. Но я не хочу, чтобы вы поздно ложились изъ-за меня. Это вредно. Какіе вы должно быть, забавные сны видите. Вѣрно слоновъ, крокодиловъ... Разскажите мнѣ...

Онъ снова садится.

— Я никогда не вижу ни слоновъ, ни крокодиловъ.

— Ну, тогда вамъ снятся автомобили и аэропланы.

— Нѣтъ.

Она заглядываетъ ему въ глаза.

— Какія у васъ длинныя рѣсницы. Какъ у дѣвочки. Ужъ не снятся-ли вамъ куклы? Нѣтъ, право, что-же вамъ снится?

Вика долго молчитъ, потомъ вдругъ рѣшается.

— Вы!..

Но Наталія Никслаевна не слышитъ. Она протягиваетъ ему конфеты.

— Что-же вы не берете? Вы, должно быть, лакомка. Чего вы хотите, чаю, варенья, пирожныхъ?

— Если разрѣшите, папиросу.

— Какъ? Вы курите? Мнѣ въ голову не пришло предложить вамъ. Такъ вы совсѣмъ взрослый? Можетъ быть, вы вмѣсто чая хотите коньяку?

— Пожалуйста.

Наталія Николаевна достаетъ изъ буфета бутылку и двѣ рюмки.

— Я думала маленькій, а онъ взрослый. Она произноситъ это какъ-то странно, растягивая слова и улыбаясь.

Ея широкое бѣлое платье касается его колѣнъ. Онъ вздыхаетъ и закрываетъ глаза.

— Пейте-же.

Онъ проглатываетъ коньякъ.

— Ахъ, какой вы забавный, смѣется она. Какъ мой кроликъ.

Она наливаетъ ему вторую рюмку.

— Можно васъ погладить? Совсѣмъ мой кроликъ, и такой-же пушистый.

Ея пахнущіе духами пальцы перебираютъ его волосы.

— Пейте-же.

Вика пьетъ. Въ головѣ начинаетъ шумѣть.

— Я лежалъ въ полѣ на соломѣ, говоритъ онъ неувѣренно. — и думалъ о васъ.

— Лежали на соломѣ? И навѣрно курили. Осторожно... Это очень опасно. Если бросить спичку въ сухую солому — пожаръ.

Онъ смотритъ на нее. Въ головѣ шумитъ все сильнѣе.

— У васъ волосы совсѣмъ, какъ солома.

Она высоко подымаетъ брови и наклоняется къ нему.

— Сухая солома. Осторожно. Если бросить спичку — пожаръ...

Она проводитъ ладонью по его горячей щекѣ отъ уха ко рту. Онъ чувствуетъ ея холодные пальцы на своихъ губахъ. Ему становится какъ-то тоскливо и страшно. Уйти-бы скорѣе.

— Такъ это правда, что вамъ не крокодилы и автомобили снятся, а я. Отчего?..

Онъ смотритъ на ея голую загорѣлую шею, не смѣя пошевелится.

Она наклоняется еще ближе.

— Отчего?..

— Оттого, что я люблю васъ, задыхаясь, въ отчаяніи говоритъ онъ.

— Любите?.. Ея лицо вдругъ становится грустнымъ. Любите... Ахъ, Вика!

Онъ закрываетъ глаза руками.

— Господи, что я сдѣлалъ. Вы сердитесь? Я обидѣлъ васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Но мнѣ васъ очень жаль. Вы еще совсѣмъ маленькій...

Она грустно улыбается, притягиваетъ его голову къ себѣ и медленно цѣлуетъ въ губы.

Деревья шумятъ, бѣлая дорога блеститъ.

Сначала Викѣ хочется кричать, пѣть, летать. И онъ точно летитъ, такъ быстро несутъ его ставшіе легкими, легкими, ноги... И — какъ во снѣ — стоитъ только шире взмахнуть руками и, отдѣлившись отъ земли, понесешься въ небо.

Потомъ ноги тяжелѣютъ, руки опускаются. Онъ уже не летитъ, онъ идетъ по землѣ. Прямо передъ нимъ вчерашняя скирда. Теперь она кажется огромной и черной.

Вика подходитъ къ ней. Трогаетъ солому. Такая-же сухая...

... Сухая солома. Осторожно. Бросить спичку — пожаръ.

Желтые волосы Наталіи Николаевны, ихъ сухой, соломенный вкусъ... Запахъ ея духовъ... Дрожь проходитъ по его тѣлу... Голова непріятно кружится. Въ груди тяжелая, томительная слабость.

... Сухая солома. Осторожно.

Онъ достаетъ папиросу, зажигаетъ спичку, затягивается горькимъ дымомъ...

Ротъ его кривится. Свѣтящаяся точка папиросы, какъ свѣтлякъ, падаетъ въ солому.

Вика пристально смотритъ на быстро карабкающіеся по скирдѣ огоньки. И вдругъ почему-то удивительно ясно вспоминаетъ «музей», устроенный имъ когда-то въ дѣтствѣ: лягушку, выпучившую круглые, глупые глаза, тонкую ящерицу, извивающуюся на жердочкѣ.

Ирина Одоевцева.

ПЕРВАЯ ЯГОДА.

Б. К. Зайцеву.

Въ это предпраздничное утро, полное стука, суеты и домашнихъ криковъ, Петя Бѣлаинцевъ, сѣроглазый гимназистъ, пухлогубый и застѣнчивый, вышелъ изъ дому и неспѣшно зашагалъ по кирпичному, выщербленному, мощеному елочкой, тротуару вдоль главной улицы, ведшей въ гору за городъ — къ кладбищу и городскому лѣсу за нимъ.

То, что стоитъ весна, онъ чувствовалъ раньше какъ то подспудно, мимоходомъ. И солнце, и охапки черемухи, а потомъ сирени на столахъ и подоконникахъ, летъ стрижей въ синемъ небѣ, крики плотогоновъ на рѣкѣ, распахнутыя весь день двери — все это видѣлось и слышалось давно, но было чужимъ, малоцѣннымъ и преждевременнымъ — мѣшала учеба. И только сегодня, проснувшись рано, стоя въ одной рубашкѣ у открытаго окна, вдыхая бодрый холодокъ утра, еще соннаго и медлительнаго, и глядя на черную отъ росы, неподвижную доску качелей и на откинутую раму парника, уголъ которой косо и мягко охватило розовое солнце, — онъ впервые съ необыкновенной радостью почувствовалъ, что пришла настоящая его весна, неотъемлемая и полная, что захватитъ она и его въ свой чудесный кругъ и отнынѣ будетъ безраздѣльно-внимательна къ нему, щедра и дружественна.

Онъ торопливо одѣлся, надѣлъ суровую лѣтнюю рубаху и все никакъ не могъ застегнуть бѣлыя пуговицы съ придавленными отъ глаженья ушками. Долго сидѣлъ потомъ у окна, натягивая бѣлый чехольчикъ на верхъ фуражки. Утренняго чая онъ еле дождался.

На улицѣ все было по-новому, свѣжо и полно. Все какъ то волновало и трогало. Проѣхалъ водовозъ, и Петя долго глядѣлъ вслѣдъ, какъ съ лохматой затычки несмѣлой струйкой бѣжала вода, какъ пузырилась она подъ сѣрой прозрачной холстиной и шлепалась на камень. Ему стало смѣшно, захотѣлось побѣжать за водовозомъ, подурачиться, сдѣлать что нибудь озорное, но безобидное, даже доброе.

Во дворѣ церковнаго домика кто то махалъ высокимъ шестомъ съ тряпкой и въ небѣ стаей крутились голуби, — онъ постоялъ и у домика, слушая, какъ впере-

бой досужливо курлыкали голуби во дворѣ. На крыльцѣ винной лавки, усѣянномъ смятыми жесткими бумажками, сидѣлъ старикъ въ валенкахъ, держалъ подъ мышкой кусокъ ситнаго и ѣлъ, отщипывая мякишъ и запихивая куски въ ротъ распяленной ладонью, какъ ѣдятъ просфору — и Петѣ вдругъ захотѣлось ѣсть.

Потянулись слободскіе огороды. За жердяной изгородью перекликались звонко и насмѣшливо и бокомъ двигались вдоль высокихъ тучныхъ грядъ пололыщицы. Косыя крестовины стояли голыя, заплетенныя снизу усами гороха, изъ подъ морщинистыхъ тяжелыхъ листьевъ желтѣли лапы огуречнаго цвѣта, тощее чучело воткнуто было между грядъ, покрытое развившейся соломенной дѣтской шляпой съ двумя ленточками, и черная кривоносая галка прыгала внизу, взлетала иногда тяжело — все прилаживаясь сѣсть на качавшуюся шляпу.

Городъ кончился. Петя прошелъ мимо свалочной горки, всегда его прельщавшей блескомъ разбитаго стекла и обрѣзковъ жести, посмотрѣлъ, какъ босые ребятишки, сидя на корточкахъ, и съ трудомъ палками приподымая и встряхивая пыльные пласты, копали червей, перешелъ ложокъ по хлюпавшему подъ ногами дну, гдѣ били ключи и трава длинной полосой была необычно яркая и темная, какъ мохъ, и вышелъ въ поле.

Утро было чудесное — свѣжее, еще не жаркое. Въ далекомъ небѣ таяли прозрачныя курчавыя рѣдкія облака, зелень кустовъ предъ лѣсомъ вздымалась упругими валами, на выгонѣ жгуче сверкали лютики, блестящіе и жесткіе.

Впереди, поднимаясь тропкой въ гору, шелъ мужикъ — несъ вѣники, парами перекинутые черезъ коромысло. Листья струились, трепетали, поблескивали, вѣники приминались, тяжело покачиваясь. Было ихъ такъ много, что казалось, будто движется копенка свѣже скошеннаго сѣна. Мужикъ остановился и перевелъ коромысло съ плеча на плечо, пустивъ его такъ круто, что и самъ немного повернулся вбокъ. Когда Петя поравнялся съ нимъ, онъ крикнулъ весело:

— Баринокъ, вотъ вѣничковъ свѣжихъ, а?

И, засмѣявшись, присѣлъ:

— Ай боишься?

Петя смущенно улыбнулся и быстрѣе зашагалъ дальше, внизъ, къ рѣчкѣ — къ Святому Ручью, звонко журчавшему близко, подъ обрывомъ. Спустился и побрелъ вверхъ берегомъ по ненатоптанной травѣ, глядя, какъ въ тугой жгутъ завивается и юлитъ струя посерединѣ, какъ вода окатываетъ иногда бѣлые обточенные камни и сбѣгаетъ быстро, тѣнью, и чувствуя, что отъ мѣрнаго плеска рябитъ въ глазахъ и кружится голова. Внизу гдѣ то глухо и часто шлепалъ валекъ.

Впереди показался зеленый облупившійся куполъ деревянной старенькой часовни. Петя подошелъ къ срубу, къ сваямъ, откуда пахнуло на него стоячимъ холодкомъ, вскарабкался наверхъ, по узкому настилу, забросанному еловыми лапами, подошелъ къ низенькимъ — въ полроста — стѣнамъ, нажалъ облизанный языкъ клямки и вошелъ въ часовенку. Вздувшіяся половицы заскрипѣли сухо и

привѣтливо, Петя украдкой — какъ всегда дѣлалъ, проходя мимо церкви — перекрестился, посмотрѣлъ на столбы, поддерживавшіе четырехскатную крышу и увѣшанные темными иконками, на полку вверху, гдѣ, убранный холщевымъ небѣленымъ полотенцемъ, стоялъ образъ Нерукотвореннаго Спаса, съ черной маленькой внизу ложбинкой отъ неосторожнаго огня, на несуразный деревянный свѣчникъ, обитый жестью, и подошелъ къ колодцу посерединѣ часовни. Вода въ намъ поднялась высоко, темная и холодная. Въ водѣ, но будто надъ нею, рѣяли листочки, ниже стоялъ черный кривой сукъ, по стѣнкамъ росъ косматый мохъ, край толстой бѣлой полки былъ иззубренъ цѣпью.

Петя потянулъ цѣпь, вытащилъ желѣзную кружку со стиснутымъ, какъ носъ кувшина, краемъ, но донесъ воды на донышкѣ — всю расплескалъ по дорогѣ. Вода рѣзала горло, кружка холодила концы пальцевъ. Онъ опустилъ еще разъ, выпилъ жадно. Постоялъ потомъ немного, потоптался, словно не рѣшаясь уйти, вздохнулъ, посмотрѣлъ на иконы чуть исподлобья и на цыпочкахъ вышелъ.

Съ косогора надъ часовней открывался весь городъ. Сѣрыя и красныя крыши лѣпились сквозь зелень, на высокомъ валу громоздился соборъ, усадистый, старинный, съ хрупкой колонкой колокольни, одинокій крестъ которой стоялъ въ небѣ, какъ бы вѣнчая все видимое на землѣ; вдали широко кружила рѣка, и скобленые зубастые плоты на берегу были рѣжуще бѣлы.

Онъ смотрѣлъ долго на городъ, выступавшій въ сине-зеленой необъятной рамѣ, городъ, родившій и вскормившій его, гдѣ зналъ онъ каждый уголъ, гдѣ и его знали, гдѣ и до сихъ поръ его останавливали и, заглянувъ въ его робкіе ясные глаза, спрашивали, улыбаясь привѣтливо и нѣжно:

— Ты чей?

И когда онъ отвѣчалъ, съ легкимъ отъ неожиданности испугомъ:

— Бѣлаинцевъ —

трепали его легко и бережно по плечу и говорили:

— А-а, судьинъ. Знаю, знаю. Ну, иди...

Онъ оглянулся, посмотрѣлъ на густо-синее далекое небо со стаей облаковъ на немъ, клубившихся, какъ зимній бѣлый дымокъ, на высокую березу впереди, зачесанную вѣтромъ на одну сторону, тяжело и плавно опускавшую гибкія свои вѣтви, на рѣку, поблескивавшую у камней, и вдругъ вновь его охватило чувство необыкновеннаго счастья, что вокругъ все такъ полно и празднично, и онъ одинъ, и одинъ все видитъ, что онъ въ бѣлой прохладной рубахѣ, а впереди долгое вольное лѣто, что жгуче и ясно небо и всѣ, всѣ его любятъ... И это чувство радостной истомы, безмятежности, любовнаго благоволенія было такъ полно, такъ почти непереносимо сильно, что онъ соскользнулъ съ пенька, на которомъ сидѣлъ, упалъ мягко на колѣни, потомъ лицомъ въ траву и, разметавъ руки, лежалъ долго, вдыхая свѣжій, тяжелый и влажный запахъ земли.

Потомъ, будто застыдившись, поднялся, одернулъ рубаху, перевелъ сбившуюся на бокъ серебрёную бляху пояса и побрелъ заросшей тропинкой къ лѣсу.

Въ лѣсу стояла неподвижная пряная духота отъ распарившейся хвои. По землѣ стлалась мягкая пушистая дереза, путавшаяся въ ногахъ, завивались зеленыя спирали молодого папоротника, идти было мягко, казалось, что земля упруго провисаетъ подъ ногами.

Незамѣтно для себя, Петя вышелъ къ любимому своему «земляничному», мѣсту, къ песчанымъ ямамъ у брошенныхъ кирпичныхъ сараевъ. Здѣсь каждый годъ срывалъ онъ первую зрѣлую ягоду и бережно несъ ее домой въ букетикѣ зеленыхъ, твердыхъ, часто еще не отпустившихъ бѣлые лепестки цвѣтовъ.

Онъ подошелъ къ ольховымъ кустамъ, за которыми открывалась небольшая полянка, раздвинулъ ихъ, сталъ продираться сквозь заросль и рѣзко остановился. Ему показалось, что впереди кто то стоитъ. Онъ хотѣлъ уйти, но сползъ внизъ, опустился на корточки и сталъ пробираться впередъ, просовывая голову между сѣрыми крѣпкими стволами.

На полянкѣ, передъ ямой около обвалившейся драневой крыши растасканнаго сарая, бурой и слоистой, какъ давно опавшая листва, въ самомъ дѣлѣ стоялъ какой то человѣкъ, по виду мѣщанинъ. Его на уши надвинутый картузъ сзади былъ дугою засаленъ до-сѣра, изъ оттопырившагося кармана полосатаго пиджака торчалъ аршинъ, штаны мѣшкомъ заправлены были въ сапоги съ рыжими мягкими голенищами. Въ сутулой его спинѣ, въ поднятыхъ плечахъ, во втянутой въ плечи маленькой головѣ было что то жалкое и отчаянное.

Рядомъ съ нимъ стояла собака съ острыми блестящими глазами, старая и необыкновенно худая, съ вытертой на боку шерстью и кожей, сквозь которую рѣзко проступали сѣрыя каменныя ребра. Нижняя челюсть ея, объѣденная болѣзнью, была совсѣмъ голая, бѣлѣла дуговой костью и непрерывно мертво качалась. Челюсть была мелкая, плоская, какъ у рыбы, и только длинные кривые клыки на взмахѣ отгибали коричневую мокрую кожу верхней губы. Ротъ собаки облѣпили зеленыя вялыя большія мухи, повидимому, давно отъ нея не остававшія. Вокругъ шеи завязанъ былъ обрывокъ веревки, конецъ которой мѣщанинъ держалъ въ лѣвой рукѣ. Собака нерѣшительно тянула веревку, глядя на хозяина. Правую руку мѣщанинъ какъ то нелѣпо отвелъ въ сторону, словно была она поранена.

Петя смотрѣлъ, недоумѣвая. Странное забрезжило въ немъ любопытство. Оно росло, переходило во внутреннее холодное волненіе. Онъ почувствовалъ, что онъ дрожитъ, часто глотаетъ слюну.

Мѣщанинъ ступилъ въ сторону, потянулъ веревку, склонивъ на бокъ голову. Петя вскочилъ, порывисто шагнулъ впередъ и спросилъ осѣкшимся голосомъ:

— Что ты?

Мѣщанинъ, туго повернувшись всѣмъ туловищемъ, посмотрѣлъ на Петю. Глаза его были мутные и тяжелые.

— Собаку, вотъ... запаршивѣла совсѣмъ, воняетъ... мучается зря... кончить надо, а я не могу... не владаю... разстроился совсѣмъ...

Петя посмотрѣлъ на собаку, на правую руку мѣщанина и вдругъ почувствовалъ, какъ разомъ стало пусто и гулко въ груди, по тѣлу разлилось что то густое, темное, размаривающее, и лѣнь ударила подъ колѣни, пронзая его сладкимъ стыдомъ и страхомъ. Задохнувшись, онъ выкрикнулъ хрипло:

— Дай я.!..

Мѣщанинъ посмотрѣлъ тупо, потомъ ободрился.

— И вѣрно, на-ка ты...

Онъ шагнулъ вбокъ, передалъ Петѣ обрывокъ и старинный револьверъ Лефоше съ ободранной стружками никкелировкой, и зашелъ за петину спину.

— Гляди жь, цѣлься, зарядовъ два всего.

Петя потянулъ веревку, подался впередъ и выбросилъ руку. Дуло ходило передъ глазами, онъ никакъ не могъ поймать мушку, цѣлился въ голову. Спускъ подавался туго. Онъ сунулъ въ скобу второй палецъ, нажалъ рывкомъ. Курокъ поднялся и, сорвавшись разомъ, хлопнулъ сверху по ржавому шпеньку патрона.

— Заведи, заведи барабанъ назадъ, дура! — крикнулъ мѣщанинъ сзади.

Торопясь, плохо видя, глотая горячую слюну и до скрипа стиснувъ зубы, Петя отвелъ барабанъ и ткнулъ впередъ револьверъ. Глухо и мягко ударилъ выстрѣлъ, руку толкнуло назадъ, веревка натянулась и пошла ровна, какъ леса. Въ сѣромъ дыму собака, вся дрожа, пятилась назадъ, растягиваясь и выбиваясь изъ петли, выбросивъ по.змѣиному голову съ качающейся голой челюстью.

Тогда въ ужасѣ Петя рванулся впередъ и выстрѣлилъ еще разъ, согнувшись. Собака клубкомъ покатилась внизъ, свалилась въ яму, вырвавъ изъ руки его веревку и завыла протяжно и ровно. Петя отскочилъ въ сторону, выпустивъ револьверъ, весь сжался. Собака лежала на боку, царапая песокъ лапой и пытаясь приподняться. Задъ ея былъ странно неподвиженъ, глаза по-прежнему остры и безсмысленны. Она привстала, повернула голову, но взвизгнула громче и упала, сухо щелкнувъ челюстью.

Мѣщанинъ, смотрѣвшій на все безмолвно, словно не понимая, сорвался съ мѣста и закричалъ высокимъ бьющимся бабьимъ голосомъ:

— Что жъ ты надѣлалъ, сук-кинъ ты сынъ? Зарядовъ больше нѣту, я тебѣ говорилъ — цѣлься! Что я теперь, а?... Говори, сук-кинъ ты сынъ!...

Онъ бросился къ собакѣ, все еще пытавшейся привстать, шагнулъ черезъ нее, нагнулся, завелъ руку подъ животъ, хотѣлъ приподнять, но бросилъ и опять подбѣжалъ къ Петѣ, мертвенно блѣдному и дрожавшему, и закричалъ опять истошнымъ базарнымъ крикомъ. Лицо его напружилось, налилось кровью, глаза выкатились, мокрый ротъ съ пѣной въ углахъ брызгалъ слюной, онъ мелко топтался на мѣстѣ и кричалъ изступленно, стервенѣя отъ крика:

— Я тебѣ кричалъ, что два заряда!.. Я тебѣ всеё морду расквашу, сук-кинъ ты сынъ... Я т-тебѣ...

И онъ, не размахиваясь, сбоку ударилъ Петю въ лицо сухимъ и жесткимъ кулакомъ. Потомъ метнулся въ сторону и побѣжалъ.

А собака все выла, захлебываясь, затихая и опять взвизгивая жгуче и нестерпимо.

Въ ужасѣ, плохо видя сквозь слезы, Петя бросился къ кустамъ, зацѣпился, упалъ, проѣхалъ по землѣ на колѣнкахъ и, вскочивъ, увидѣлъ, какъ держа надъ головой обѣими руками тяжелый, плоскій камень-плитнякъ, бѣжалъ мѣщанинъ грузной, шатающейся и страшной походкой.

Петя закричалъ, упалъ ничкомъ, обхватилъ голову руками, стиснувъ ладонями затылокъ, вздрагивая, втираясь въ землю.

Но сейчасъ же гдѣ то вблизи раздался тяжелый глухой ударъ о землю и зашуршалъ песокъ. Собака смолкла.

Николай Рощинъ

ЗЫГМУСЬ.

Однажды утромъ мачеха сказала мнѣ:

— Сегодня мы ѣдемъ къ Мыстковскимъ. Можешь надѣть бѣлое платье.

Мнѣ шелъ пятнадцатый годъ. Я только что начала укладывать косы жгутами на затылкѣ и не смѣла мечтать о пудрѣ.

Недѣлю тому назадъ я пріѣхала въ Липки, гдѣ отецъ ревизовалъ удѣльныя имѣнія. Все время переѣзда я находилась въ счастливомъ возбужденіи отъ сознанія, что первый разъ путешествую одна. Ночь въ вагонѣ я провела у окна, глядя на звѣзды и костры въ темномъ полѣ.

Отецъ встрѣтилъ меня на станціи и, едва поздоровавшись, спросивъ только объ экзаменахъ, сталъ описывать прелести охоты на козловъ въ удѣльныхъ лѣсахъ, обѣщая при случаѣ взять и меня съ собою.

У дверей школы, гдѣ ему съ семьей былъ отведенъ весь верхній этажъ, онъ спохватился и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Только, знаешь, ты лучше не болтай особенно объ этомъ съ Варварой Ивановной. Ей не очень нравится мое увлеченіе охотой...

Варвара Ивановна была моя мачеха.

Она встрѣтила меня милостиво:

— Ну, пятиклассница, здѣсь ты можешь вести болѣе раціональный образъ жизни. Главное, пораньше ложиться спать и поменьше предаваться неумѣренной страсти къ чтенію...

Въ теченіе слѣдующихъ дней я осматривала окрестности, купалась въ большомъ проточномъ озерѣ и читала романы Сенкевича. Услыхавъ о предполагаемой поѣздкѣ, я спросила, кто такіе Мыстковскіе и получила короткій отвѣтъ:

— Помѣщики, поляки.

До имѣнія Мыстковскихъ было верстъ двадцать по хорошей дорогѣ. Я сидѣла на передней скамейкѣ экипажа и смотрѣла на поля, на высокую рожь, на загорѣлыхъ бабъ въ бѣлыхъ полотнянныхъ рубахахъ съ черными вышивками, вязавшихъ снопы у дороги. При нашемъ приближеніи онѣ выпрямлялись и смотрѣли на насъ, заслонясь рукой. Солнце жгло все сильнѣе и за экипажемъ поднималась сухая бѣлая пыль.

Варвара Ивановна спросила, долго ли еще ѣхать. Отецъ отвѣтилъ, что теперь совсѣмъ близко.

Дѣйствительно, вскорѣ показались зеленыя ветлы гребли, бѣлыя стѣны хатъ и прудъ, заросшій камышемъ. Экипажъ прогрохоталъ по мосту, прокатился по тополевой аллеѣ и въѣхалъ въ раскрытыя ворота, за которыми бѣлѣлъ двухъэтажный домъ.

Мы попали прямо къ раннему деревенскому обѣду. Я отъ смущенія плохо различала лица тѣхъ, съ кѣмъ меня знакомили, и запомнила только сладкій голосъ хозяйки, пропѣвшей надо мной:

— Яка ладна паненка! — Вотъ бы намъ такую цурку, — правда, Тадеушъ?

Я не поняла , что такое «цурка», но спросить было неловко.

За обѣдомъ меня посадили противъ молодого Мыстковскаго. Несмотря на то, что ему было лѣтъ девятнадцать, онъ не принималъ участія въ общемъ разговорѣ. Я тоже не смѣла разговаривать и развлекалась тѣмъ, что разсматривала большую столовую, окна которой выходили въ цвѣтникъ, и картины на стѣнахъ, изображавшія краснолицыхъ, пузатыхъ капуциновъ съ рюмками меда въ рукахъ.

На первое подали вишневый супъ, одинъ видъ котораго поразилъ меня. Первая же ложка этого тягучаго темнорозоваго варева заклеила мнѣ горло клейстеромъ. Я перестала ѣсть, но взглядъ мачехи заставилъ меня снова взяться за ложку. Какая это была пытка! Я ничего не видѣла кругомъ, я чувствовала, что всѣ уже поѣли, что я задерживаю всѣхъ, и сидѣла вся пунцовая. Молодой Мытковскій нагнулся ко мнѣ черезъ столъ и сказалъ:

— Паннѣ не хочется кушать? Дѣйствительно, сегодня слишкомъ жарко...

И онъ сдѣлалъ знакъ лакею принять у меня тарелку.

Я съ благодарностью подняла глаза на моего избавителя. Онъ показался мнѣ очень серьезнымъ. Цвѣтъ лица у него былъ смугло-золотистый, и только половина лба слегка бѣлѣла. Я замѣтила, что мачеха тоже смотрѣла на него.

Послѣ обѣда, пани Мыстковская сказала:

— Зыгмусь, покажи паненкѣ садъ. Какъ разъ поспѣла малина...

Мы послушно пошли въ садъ. Онъ былъ большой, запущенный. Мы шли по аллеямъ съ невыполотой травой, вѣтки шелковицъ съ почти спѣлыми ягодами нависали надъ нашими головами, крылья стрекозъ блестѣли на солнцѣ. Мы шли молча, не зная о чемъ говорить, но каждый разъ, когда Зыгмусь слегка поворачивалъ ко мнѣ лицо, я чувствовала себя такъ, точно смотрѣла на себя со стороны. Я видѣла мое бѣлое кружевное платье съ цвѣтной шотландской лентой вмѣсто пояса, низко заплетенныя на затылкѣ косы и уже успѣвшія загорѣть руки и шею.

У малинника Зыгмусь остановился:

— Если панна желаетъ...

И онъ принялся рвать для меня малину, нагибая высокіе кусты. Самъ онъ былъ невысокъ, но какъ то весь удивительно ловокъ и гибокъ.

Потомъ мы вышли къ плетню, отдѣлявшему садъ отъ поля. Передъ нами стояла густая стѣна ржи; кое гдѣ въ ней синѣли васильки. Воздухъ на солнцѣ плавился отъ зноя.

— Если паннѣ угодно, я прикажу запречь лошадь и мы сможемъ съѣздить въ поле, — сказалъ Зыгмусь, слегка наклоняясь ко мнѣ.

Я почему то поспѣшно отказалась. Мы снова принялись ходить въ тѣни шелковицъ, не зная о чемъ говорить, но въ тоже время испытывая какое то странное, очень пріятное чувство. У самого дома Зыгмусь спросилъ меня:

— Паннѣ не скучно въ Липкахъ? Тамъ вѣдь только сахарный заводъ и нѣтъ никакого подходящаго для панны общества...

Я отвѣтила неувѣреннымъ голосомъ, что да... конечно... но я читаю...

Мачеха встрѣтила меня недовольнымъ взглядомъ:

— Гдѣ ты была такъ долго? Ты растрепалась и вся красная...

Зыгмусь отвѣтилъ за меня, кланяясь ей съ изысканной польской вѣжливостью:

— Мы обошли два раза садъ и я водилъ панну Александру въ малинникъ.

На закатѣ, когда мы садились въ экипажъ, старый Мыстковскій подалъ мачехѣ букетъ цвѣтовъ, принесенныхъ садовникомъ.

— Не забывайте насъ, — сказала пани Мыстковская прежнимъ сладкимъ тономъ, — и привозите вашу цурку... непремѣнно... Вотъ бы намъ такую, правда, Тадеушъ?

Едва мы выѣхали за ворота усадьбы, Варвара Ивановна начала горячо говорить о семьѣ Мыстковскихъ. Нѣсколько разъ она упомянула Зыгмуся, расхваливая его прекрасныя манеры и внѣшность.

— Весь точеный, какъ молоденькій козликъ, — говорила она.

Отецъ, не слушая, поддакивалъ. Мнѣ не хотѣлось разговаривать. Я была озабочена мыслью о томъ, что Зыгмусь могъ счесть меня дурочкой. Но въ тоже время мнѣ было необыкновенно пріятно думать, что онъ держалъ себя со мной, какъ со взрослой.

Лѣто въ этомъ году было очень жаркое.

Я купалась два раза въ день и часами пропадала на берегу болота, въ которое переходило озеро за мѣстечкомъ. Тамъ раздражающе пахло водой и травами, и иногда я находила подъ камнями сухую змѣиную кожу.

Однажды, возвращаясь оттуда съ пучкомъ шпажника въ рукахъ, я почти столкнулась съ Зыгмусемъ, ѣхавшимъ верхомъ на хорошенькой золотистой лошадкѣ. Увидѣвъ меня, онъ тронулъ поводья и остановилъ ее. Въ лицѣ его что то блеснуло.

— Я былъ въ Липкахъ... на заводѣ у фельдшера... — сказалъ онъ, снимая фуражку и нагибаясь съ сѣдла. — А панна гуляетъ?

И его глаза скользнули по мнѣ.

— Да, — сказала я, внезапно вспыхивая отъ стыда за свое измятое ситцевое платье и исцарапанныя руки, — но мнѣ пора... простите...

— Панна такъ спѣшитъ?

— Да... меня ждутъ. Я давно...

И, едва поклонившись ему, я чуть не бѣгомъ пустилась по пыльной дорогѣ. Я отошла довольно далеко, когда сзади послышался топотъ копытъ. — Зыгмусь нагонялъ меня. Я остановилась. Мы посмотрѣли другъ на друга. Онъ вдругъ отвелъ глаза.

— Я... я только хотѣлъ сказать, что... поклонъ вашему отцу.

И хлестнувъ лошадь онъ поскакалъ прочь.

Вечеромъ, за обѣдомъ, я сказала:

— Папа, Зыгмусь Мыстковскій просилъ передать тебѣ поклонъ.

Отецъ поднялъ на меня глаза, но Варвара Ивановна опередила его.

— Мыстковскій? Гдѣ ты его видѣла?

Я отвѣчала, что встрѣтила его на дорогѣ.

— Почему же ты не пригласила его заѣхать къ намъ. Вѣдь мы были у нихъ въ домѣ. Ты должна была догадаться.

— Я не знала...

— Чего ты не знала? Ты дурно воспитана. Или тебѣ больше нравится встрѣчаться съ нимъ на большой дорогѣ?

— Варя, вѣдь она встрѣтила его случайно, — сказалъ отецъ.

— Случайно! Случайно! Знаемъ мы эти случайности...

Отецъ пожалъ плечами. Варвара Ивановна умокла, но еще часто взглядывала на меня съ раздраженіемъ.

Наступало полнолуніе. Передъ сномъ я подолгу сидѣла ва скамейкѣ передъ школой, заложивъ руки за спину и глядя въ пространство. Заводъ, мѣстечко, поля — — все было въ дымно-голубомъ и серебристомъ свѣтѣ. Граница горизонта исчезала, нельзя было опредѣлить, гдѣ кончается земля и начинается небо. Широкій Млечный Путь таинственной звѣздной розсыпью тускло блестѣлъ надъ головой. Поля были объяты такой полной и грустной тишиной, что весь край казался зачарованнымъ. Эта пустота и тишина томили меня. Я закрывала глаза и прислонялась головой къ стѣнкѣ. Въ ушахъ у меня томно и глухо шумѣло.

Иногда Варвара Ивановна выходила и останавливалась въ дверяхъ. Мы не разговаривали. Она казалась мнѣ въ эти минуты моложе и проще. Лунный свѣтъ смягчалъ угловатыя линіи ея фигуры. Постоявъ немного, она уходила, роняя мнѣ:

— Поздно, уже, Ася...

Какъ то, вернувшись послѣ двухдневной отлучки, отецъ вошелъ въ комнату и положилъ передъ нами пучекъ розоваго левкоя.

— Я видѣлъ молодого Мыстковскаго, — сказалъ онъ, — очевидно, онъ ѣхалъ сюда; но, встрѣтивъ меня, почему то передумалъ. Онъ приглашаетъ на охоту. Они собираются въ воскресенье большой компаніей. А эти цвѣты онъ просилъ передать... дамамъ.

Я сдѣлала быстрое невольное движеніе, но тотчасъ взглянула на Варвару Ивановну. Она тоже взглянула на меня, но ничего не сказала и немного погодя услала меня къ женѣ директора за шерстью для вышиванія. Когда я вернулась, цвѣты стояли въ фаянсовой кружечкѣ на ея столѣ.

Мыстковскіе заѣхали не въ воскресенье, какъ обѣщали, а въ субботу. Мачехи не было дома, она отправилась въ сосѣдній уѣздный городъ за покупками и я не знала какъ быть. Но отецъ, случайно оказавшійся дома, разрѣшилъ мои сомнѣнія:

— Ничего, поѣзжай одна. Я скажу Варварѣ Ивановнѣ. Жаль, что самъ не могу...

И я поѣхала. Охота оказалась простымъ предлогомъ для поѣздки въ лѣсъ съ дамами. Никто ничего не убилъ, да впрочемъ никто и не старался особенно. Я не замѣтила, какъ этотъ длинный сіяющій день сталъ клониться къ вечеру. Я опьянѣла отъ незнакомаго мнѣ чувства полной свободы. Мнѣ казалось, что у меня впереди еще много, много такихъ же счастливыхъ часовъ.

На обратномъ пути меня посадили рядомъ съ Зыгмусемъ. Онъ правилъ. Мы сидѣли выше другихъ, впереди; передъ нами былъ широкій полукругъ горизонта, еще розоваго отъ вечерней зари. Поля мягко синѣли, темнѣли; крупная, играющая серебромъ звѣзда стояла надъ краемъ неба, тамъ гдѣ оно, выцвѣтая, приняло нѣжный резедовый оттѣнокъ. Казалось, мы несемся прямо на эту звѣзду. Вечерній воздухъ мягко шумѣлъ въ ушахъ. Не помню, о чемъ мы говорили, и говорили ли мы вообще. Но часто быстрый боковой взглядъ Зыгмуся заставлялъ сладко замирать мое средце.

На крутомъ поворотѣ я слегка качнулась, и рука Зыгмуся стремительно и нѣжно подхватила меня. Онъ успѣлъ сказать мнѣ шопотомъ:

— Снимите шляпу, она мѣшаетъ мнѣ видѣть васъ.

Щеки у меня запылали, но я тотчасъ же потянула ленту моей соломенной шляпы и сняла ее. Все во мнѣ сладостно трепетало.

Не помню, какъ мы простились. Я переступила порогъ школы съ помутившейся головой. Когда чья то рука схватила меня за плечо и сильно встряхнула , я не сразу поняла, въ чемъ дѣло. Передо мной было разъяренное лицо Варвары Ивановны:

— Кто, кто тебѣ позволилъ ѣхать! — прошептала она.

— Папа...

— Ты отправишься сію минуту наверхъ и съ завтрашняго дня сядешь за работу! Довольно я потакала тебѣ!

На другой день Варвара Ивановна заперла въ шкапъ всѣ мои книги и, поставивъ передо мной корзинку съ бѣльемъ, засадила меня за иголку.

Я не умѣла шить, исколола себѣ всѣ пальцы, но ни за что не хотѣла показать Варварѣ Ивановнѣ, какой я себя чувствую несчастной, погибшей. Теперь я никуда не смѣла выйти одна; даже купаться мы ходили вмѣстѣ.

Возвращаясь однажды изъ купальни съ полотенцами на плечахъ, подъ вечеръ, мы увидѣли на площадкѣ передъ заводомъ толпу рабочихъ. У нѣкоторыхъ были въ рукахъ какіе то листки, которые они читали вслухъ. Остальные, сгрудившись вокругъ, внимательно слушали.

Къ намъ быстро подошелъ знакомый десятникъ.

— Война! — сказалъ онъ, здороваясь. — Всеобщая мобилизація...

Мы уже три мѣсяца жили въ городѣ. Октябрь кончался. Я давно ходила въ гимназію, читала сколько вздумается и поздно засиживалась по вечерамъ. Варвара Ивановна оставила меня въ покоѣ. Она какъ будто совсѣмъ забыла о моемъ воспитаніи. О лѣтѣ мы никогда не говорили.

Какъ то въ сумерки я стояла передъ зеркаломъ въ передней, собираясь выйти. Отецъ открылъ дверь со двора англійскимъ ключемъ и вошелъ.

— Ты, Ася? — сказалъ онъ, — знаешь, я только что узналъ печальную новость: Зыгмусь Мыстковскій — помнишь его — убитъ въ Галиціи. А я вѣдь забылъ тебѣ сказать, что онъ заходилъ ко мнѣ на службу мѣсяца два тому назадъ. Просилъ передать тебѣ привѣтъ, и все жалѣлъ, что не могъ повидаться... Какъ жаль. Такой славный юноша...

Я тихо открыла дверь и вышла. На улицахъ было мокро и сыро. Вѣтеръ гналъ крупныя бѣлыя облака надъ черными верхушками деревьевъ. Фонарщикъ съ лѣсенкой на плечѣ и огнемъ на палкѣ переходилъ отъ фонаря къ фонарю. Я слѣдила за нимъ глазами. Я все никакъ не могла представить себѣ Зыгмуся мертвымъ.

Я видѣла его, ѣдущимъ на гнѣдой, кокетливой лошадкѣ съ хлыстикомъ въ рукѣ. Онъ наклонялся ко мнѣ съ сѣдла и глаза его скользили по моему розовому ситцевому

платью. Мы рвали съ нимъ малину. Высоко сидя на козлахъ, онъ обнималъ меня на крутомъ поворотѣ и говорилъ мнѣ на ухо:

— Снимите шляпу, она мѣшаетъ мнѣ видѣть васъ...

Нѣтъ, никогда онъ не былъ для меня живѣе, чѣмъ теперь!

Я остановилась. Вѣтеръ все такъ же гналъ облака надъ садомъ, морщилъ мелкой рябью свинцовую поверхность лужъ на мостовой. Впереди фонарщикъ быстро удалялся, оставляя за собой длинную цѣпь огней.

Они горѣли неподвижнымъ, мертвымъ, желтымъ свѣтомъ.

Галина Кузнецова.

ДА — НѢТЪ.

Если вамъ говорятъ: нельзя ничего строить на отрицаніи, нельзя жить однимъ отрицательнымъ, постоянной ненавистью, однимъ «нѣтъ»... вѣрьте, потому что это правда. Но людямъ, которые это говорятъ — не особенно довѣряйте. Ужъ потому, во-первыхъ, что сами они не понимаютъ, о чемъ говорятъ и въ чемъ тутъ правда. Во-вторыхъ потому, что теперь (я «теперь» подчеркиваю) очень часто говорится это по опредѣленному поводу и, скрыто или открыто, мѣтится въ «непримиримость»... къ большевикамъ. Желаніе «использовать» какую-то правду для защиты большевизма — всегда подозрительно.

Впрочемъ, при всѣхъ спорахъ, возражаютъ этой правдой лишь столкнувшись съ дѣйствительнымъ отрицаніемъ, опредѣленнымъ и безповоротнымъ, — съ какимъ нибудь «огненнымъ нѣтъ». Если ваши «нѣтъ» — кисленькія, противъ нихъ тяжелая артиллерія не выдвигается. Все кисленькое, средненькое, тепловатенькое,, — отрицаніе-ли, утвержденіе-ли — безболѣзненно, и даже съ пріятностью, — проглатывается. А подите-ка, проглотите-ка «огненное нѣтъ»! И сейчасъ тревожная оглядка, хватанье за «правду»: нельзя созидать ненавистью. Нельзя жить отрицаніемъ...

Конечно, правда. Конечно, нельзя. И никто живой этимъ и не живетъ. Дѣло чрезвычайно просто: всякое истинное отрицаніе, — «огненное нѣтъ», какъ я говорю, — только отраженіе соотвѣтствующаго огненнаго «да», которое живетъ въ человѣкѣ и которымъ онъ живетъ. А вѣрнѣе — живетъ онъ обоими вмѣстѣ. Всякое мое «нѣтъ» обусловлено моимъ внутреннимъ «да», отъ него исходитъ; оно есть «потому что» есть «да», и бытіе обоихъ — есть мое бытіе.

Отрицаніе голое, безъ стоящаго за нимъ утвержденія, или вообще не имѣетъ бытія, или имѣетъ призрачное, какъ призрачна фата-моргана, отраженіе безъ предмета отражающаго.

Вѣроятно и за кисленькими «нѣтъ» есть свои кисленькія «да». Но кисленькія — развалисты, какъ неудавшееся желе. Держатся ли они еще, сникаютъ-ли — за ними не услѣдишь. Отъ настоящаго «нѣтъ» словно по огненной ниткѣ, всегда можно добраться къ его «да», отъ ненависти — къ любви. Къ любви, конечно, не доберешься отъ кисловатой, случайной «непріязни», — развѣ къ такому-же случайному.... симпатизированью...

Въ реальной жизни, въ конкретности, все безмѣрно усложняется. Но порядокъ и сущность дѣла остаются неизмѣнными.

Возьмемъ, хотя-бы, ту-же «непримиримость», отрицаніе большевиковъ, «нѣтъ» большевизму.

Мы увидимъ, прежде всего, что это единое и полное «нѣтъ» — слито изъ множества другихъ «нѣтъ»; у каждаго свое «да», свое «во имя», и такое серьезное, что, пожалуй, одного его хватило-бы для «непримиримости». Каждое «нѣтъ» исходитъ изъ внутренняго «да» какой нибудь коренной человѣческой ценности. За однимъ «нѣтъ» большевизму — стоитъ «да» человѣческой Личности. За другимъ — «да» свободѣ. За третьимъ — «да» цѣна жизни и крови. За четвертымъ — «да» Россіи, родинѣ. За пятымъ — «да» творчеству. За шестымъ — красотѣ. За седьмымъ — правдѣ. За восьмымъ... Но продолжать-ли? Списокъ безконеченъ. Такія цѣнности всѣ — равны. И неправда-ли, если въ человѣческой душѣ хоть къ одной изъ нихъ «да» не желатиномъ намазано, а огнемъ написано, — довольно его одного для самой непримиримой, реальной, «непримиримости»?

Время, исторія, историческія событія тутъ ничего измѣнить не могутъ. Могутъ измѣняться, конечно, люди: одни отойдутъ отъ высшихъ цѣнностей, снизятъ все человѣчество; другіе, напротивъ, подойдутъ ближе... Но цѣнности-то всегда, неизмѣнно, останутся цѣнностями.

Кто уже носитъ въ себѣ огненное «да» къ которой нибудь изъ нихъ — тотъ съ трудомъ допускаетъ возможность своей измѣны. Положимъ, и вѣрующій не думаетъ, что вѣрѣ измѣнитъ, а какъ часто гаснетъ самая пламенная вѣра! Но «да», о которомъ я говорю, — больше, чѣмъ только вѣра. Чтобы измѣнить вѣрѣ — достаточно, чтобы угасло сердце; для измѣны какой нибудь изъ первичныхъ цѣнностей необходимо угасаніе и разума: человѣческое сниженіе или сумасшествіе.

Повторяю: въ многообразіи живой жизни все — сложнѣе, все — запутаннѣе. Мы съ усиліями продираемся сквозь эту путанницу, падаемъ, встаемъ, опять падаемъ, вѣчно ошибаемся въ безчисленныхъ нашихъ «нѣтъ» — кривыя отраженія! Но это ничего. Лишь бы наши «да» горѣли ярко, горѣли и — и не угасали.

Бываютъ, однако, странные случаи. Общій порядокъ таковъ: изъ внутренняго утвержденія исходитъ соотвѣтствующее отрицаніе, «да» — отражается своимъ «нѣтъ». Но бываетъ обратное. «Да» и «нѣтъ» мѣняютъ свои положенія. Беззаконно поселившееся въ душѣ человѣка «нѣтъ» — беззаконно отбрасываетъ свою тѣнь ввидѣ «да». Нельзя жить безъ тѣни, но законъ нарушенъ, когда, какъ въ сказкѣ Андерсена, ваша тѣнь дѣлается вами, вы — тѣнью. Это и въ сказкѣ кончается плохо... Пожалуй, не лучше — въ дѣйствительности.

Вотъ, напримѣръ, статья Н. Бахтина, которая называется «Похвала смерти». Въ ней, при вниманіи, не трудно замѣтить признаки «обратности». Статью, какъ ста-

тью, я разбирать не буду. Она прекрасно написана, и ея «да» совсѣмъ не кисленькое: очевидно и то «нѣтъ», которое за нимъ стоитъ и дѣлаетъ его своей тѣнью — тоже не кисленькое. Меня занимаетъ въ данную минуту противоестественность этой статьи. Во всякой, даже самой легкой, попыткѣ къ противоестественному можно открыть не мало любопытнаго.

Но оговорюсь: «естественнымъ» я не разумѣю «нормальное». Норма — черта воображаемая, и если бы черезъ нее постоянно не переступали — жизнь бы не двигалась впередъ. Норма - это «большинство» даннаго момента. Кисленькія «да» и «нѣтъ» должны быть, такимъ образомъ, признаны «нормальными», а огненныя — «ненормальными».

«Естественность» — другое. Черезъ ея черту можно только пытаться переступить: она непереступима. Попытокъ, впрочемъ, сколько угодно: дѣлаются онѣ въ большомъ и маломъ, большими людьми и малыми. И если къ «перескоку черезъ естество» не ведутъ — ведутъ, порою, къ чему-то другому.

Въ статьѣ Бахтина «Похвала Смерти» можно увидѣть намекъ на такую попытку.

Вспомнимъ, сначала — «Приговоръ» Достоевскаго. Это письмо самоубійцы, который убиваетъ себя потому, что до конца сознаЛъ неизбѣжность смерти и полнаго своего уничтоженія. Такое сознаніе не можетъ, по Достоевскому, позволить, кому бы то ни было прожить еще хотя бы минуту. Потерявъ смыслъ жизни, цѣликомъ, въ безсознательной надеждѣ на смыслъ,—человѣкъ естественно теряетъ и жизнь.

Самоубійца Достоевскаго, — воображаемый: не думаю, чтобы кто нибудь доходилъ до такого конечнаго сознанія, конечной потери. Но онъ — въ естественной линіи, въ той-же человѣческой линіи, какъ и маленькій, ниже средняго, всякій и никакой человѣчекъ Мопассана, тихонько разсуждающій: «... Il n'y aura plus de M. Paul Laval... Quelle affreuse chose!... Est ce étrange qu'on puisse vivre sous cette eternelle certitude de la mort. Si elle était seulement probable, cette mort, on pourrait encore éspèrer; mais non, elle est inévitable, aussi inévitable, que la nuit après le jour».

А вотъ древнія слова: «Послѣдній врагъ — врагъ! — будетъ побѣжденъ —Смерть».

Перекручиванье человѣческаго естества, отъ вѣка и донынѣ смерти враждебнаго, до хвалы смерти и уничтоженію, — что это? Не посягательство-ли на естество жизни? Съ негодными средствами, конечно, ибо годныхъ нѣтъ, и за естество намъ опасаться нечего. Но откуда являются такія попытки? Что на нихъ толкаетъ? Какой ангелъ нисходитъ возмущать эти души?

Не ангелъ Силоамской купели, во всякомъ случаѣ. Боюсь, что это Ангелъ Отчаянія. Пламенное «нѣтъ», поселившееся въ душѣ вмѣсто «да» (первая противоестественность) — чѣмъ оно еще можетъ обернуться, какъ не отчаяніемъ? Похвала Врагу — не послѣдній-ли жестъ отчаянія?

Не послѣдній; имъ Отчаяніе хватается за свою послѣднюю, — увы, призрачную, — соломинку. Попробуемъ, однако, понять, — и не грубо и плоско, не превратно, — въ чемъ эту соломинку отчаяніе видитъ.

Опустошенная, выжженная огнемъ своего всеразрушительнаго «нѣтъ» душа — хочетъ стать выше всеразрушенія, ищетъ преодолѣть его — принятіемъ въ свою волю, какъ бы по собственной волѣ явившагося; т.е. въ конечномъ счетѣ, признать свою волю абсолютомъ и себя — Богомъ.

Это соблазнъ глубокій, но такой вѣчный и постоянный, что, при всей глубинѣ, его можно назвать обыкновеннымъ. Попытки присвоить себѣ аттрибуты божества, конечно, не удаются; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда Отчаяніе слишкомъ упорно хватается за призрачную соломинку, это приводитъ къ неожиданнымъ результатамъ: божественныхъ аттрибутовъ человѣкъ не пріобрѣтаетъ, но человѣческіе теряетъ, — теряетъ разумъ. Ходить за примѣрми недалеко, но я не пойду; они всѣмъ извѣстны.

Подчеркивая, намѣренно, то, на что въ статьѣ Бахтина лишь намекается, — я до конца хочу раскрыть весь этотъ путь. Онъ очень длиненъ, и не всѣ доходятъ до его естественнаго конца —безумія. Авторъ «Похвалы смерти» едва, можетъ быть, вступаетъ на него. Однако, и первые шаги человѣка, такой путь избравшаго, не могутъ не сопровождаться, въ конкретности, маленькими послѣдовательными безуміями. Огненное «нѣтъ», поселившееся въ душѣ и отразившееся въ «да» — Смерти, не должно-ли оно отражаться безчисленными «да» всякому реальному явленію, гдѣ только проступаетъ ликъ смерти? Не долженъ-ли Бахтинъ — (возьмемъ его хотя бы символически) — не долженъ ли онъ, попутно, воздавать хвалу и убійству, убійцамъ, лжецамъ и татямъ? Не долженъ-ли онъ, оставаясь послѣдовательнымъ, сказать, напримѣръ, свое «да» — и большевикамъ? Цѣнности перевернуты, но перевернутость тоже требуетъ своей логики. И пусть не пытается онъ возразить: «я не хвалю мелкихъ гадостей, я привѣтствую лишь великую Смерть, великое уничтоженіе»... Нѣтъ, принятіе великаго есть принятіе и малаго; да и что — мало? что — велико? Такъ можетъ дѣлить жизнь только произволъ. Пламенныя «нѣтъ» и «да», хотя бы противоестественно-перевернутыя, создаютъ и свою, тоже пламенную, «непримиримость»; обратную нашей, естественно-человѣческой, — по всей линіи, отъ великой «Дщери тьмы» до маленькихъ большевиковъ. Мы противъ нихъ, потому что мы противъ Нея. А кто возноситъ хвалу Ей, кто съ Ней, — тотъ обязанъ быть и съ ними.

У Бахтина его «нѣтъ» — «да» — настоящія, не желатиновыя. Еслибъ желатиновыя! Можно бы и не говорить о нихъ, не стоило бы и замѣчать ихъ обратность. Но именно потому, что истиннымъ огнемъ пылаетъ перевернутый факелъ — перевертъ его такой роковой. Сейчасъ онъ горитъ въ славу врагамъ.

Антонъ Крайній.

ОКОЛЬНЫЕ ПУТИ.

Безъ духа, безъ цѣлостнаго организующаго начала, безъ Содержанія, подлинной поэзіи быть не можетъ.

«Какъ» безъ «что» въ немъ заключеннаго, является лишь складомъ одеждъ, самихъ по себѣ можетъ быть и красивыхъ, но безжизненныхъ.

Различать соотношеніе формы и содержанія — по существу есть лишь свойство ума, мыслящаго раздѣльно о единомъ и цѣлостномъ моментѣ. Но если по существу говорить о противопоставленіи «что» и «какъ» представляется неправильнымъ, то въ наше время, когда формѣ удѣляется почти исключительное вниманіе, нужно говорить именно о содержаніи.

Многіе современные поэты не потому ли прямо отрицаютъ содержаніе, либо его обходятъ равнодушно, что оно просто оказывается имъ не подъ силу.

Слишкомъ невыносимо ходить предъ Богомъ, слушать

..... неба содраганье
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье

врастать, вживаться въ подземный и надземный міръ, читать «неизреченные глаголы» и о нихъ говорить на языкѣ земномъ, преодолѣвать сопротивленіе матеріи.

Не проще ли освободить себя отъ необходимости знать, понимать и видѣть. Ограничиться областью разсмотрѣнія формальнаго «какъ» и предоставить въ остальномъ полную свободу — закрыть глаза, не хотѣть «что», объявить его просто внѣ поля зрѣнія. Тогда кругъ отвѣтственности сузится до минимума профессіональной грамотности:

Простой душѣ невыносимъ
Даръ тайнослышанья тяжелый!

Или не перенести ли центръ тяжести на одинъ изъ вторичныхъ признаковъ: звуковое очарованіе, игру равнозвучащихъ словъ; не отдать ли себя въ распоряженіе стихіи — дикой музыкѣ Хаоса, необзуданной пляскѣ образовъ, съ такой трагической пустотой вскрывшихся въ творчествѣ Пастернака и его послѣдователей?

Все это — отъ нигилизма до эстетизма — окольные пути, благодаря которымъ поэзія нашихъ дней оказалась въ тупикѣ.

Уже теперь наблюдается отталкиваніе отъ вещности, формализма. Конструктивистскіе «Лефы» стали анахронизмомъ. «Непрерывность движенія на лету взнузданной стихіи» (такъ до сихъ поръ еще изъясняются нѣкоторые критики) не находитъ больше послѣдователей. Поэты стремятся говорить яснѣе и проще.

Еще не всѣми замѣченная, начинается новая литературная революція. Контрръ-революція, если хотите, такъ какъ по отношенію къ тому, что еще до сихъ поръ обывательски принято считать революціоннымъ, она будетъ безпощадна.

Поэзія есть выраженіе необщаго Я. Именно въ моментъ преодолѣнія общаго и утвержденія своего поэтъ вводитъ въ имъ созданный міръ читателя — путемъ такого же личнаго (хотя бы и безотчетнаго) усилія съ его, читателя, стороны. Поэтъ всегда обращается не къ толпѣ въ цѣломъ, но къ каждому изъ толпы отдѣльно, и этотъ слушатель тотъ, кто согласенъ заново пережить въ себѣ ходъ творческаго процесса. Посягательство на другого является моментомъ обоснованія отвѣтственности. Поэтъ и читатель вступаютъ въ общеніе, и вызывающій обязанъ быть въ духѣ и разумѣ. Только при этомъ условіи поэзія, исполняя свое назначеніе, становится «подлинно логосичной». Это и есть та причина, по которой поэтъ не можетъ быть уподобленъ птицѣ на деревѣ.

Поэтъ человѣкъ, выдѣлившій себя изъ ряда ему подобныхъ, но не равныхъ. Призваніе поэта неразрывно связано съ сущностью извѣчныхъ темъ: любви, смерти, Бога и дьявола. Онъ не долженъ останавливаться на полдорогѣ въ отрицаніи или утвержденіи. Философія и религія въ истинномъ значеніи слова были самопосвященіемъ въ таинства духа живого и безконечнаго. Эти области — родина душъ. Настоящій поэтъ неминуемо проходитъ черезъ самопосвященіе.

«Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ ихъ на землѣ. И возросло то, что могло возрости. И все на землѣ живетъ черезъ таинственное касаніе мірамъ инымъ». Такова Поэзія. Поэтъ долженъ научиться говорить о вещахъ какъ горнихъ, такъ и дольнихъ — утвердить жизнь, сдѣлать выборъ и произнести рѣшеніе. Онъ обязанъ явить credo.

Отказъ отъ содержанія есть капитуляція, трусость. Безъ духовнаго стержня слова превращаются или въ суесловіе, или въ словоблудіе.

Есть болѣзнь, извѣстная психіатрамъ подъ названіемъ «потеря своего я».

Больному кажется, что его я замѣнилось ничѣмъ (подлинныя слова) и онъ никакъ не можетъ рѣшиться поглядѣть въ зеркало.

Стихи «ни о чемъ» — такая же болѣзнь и боязнь поглядѣть въ зеркало — изъ за страха ничего въ себѣ не увидѣть. Больной принужденъ успокаивать себя бездѣлушками, перебирать и переставлять в е щ и ц ы: снобизмъ, пресыщенность или скудоуміе.

Но еще мертвѣе стихи «интимистовъ», какъ слѣдуетъ назвать нѣкоторыхъ парижскихъ молодыхъ поэтовъ по словопроизводству отъ «интимный». Интимизмъ — это осколокъ колдовскаго зеркала въ глазу, и относится къ лирикѣ такъ, какъ поверхность кривого зеркала къ зеркалу настоящему. Основная тенденція интимистовъ — превратить міръ въ мірокъ, слова въ двусмысленности. а личность подмѣнить нарочито-отрицательнымъ, уродливымъ отображеніемъ. Слабость, безволіе, тайные пороки, постельное бѣлье, а иногда нѣчто похуже — излюбленныя темы интимистовъ. Не рискуя на крупное формальное озорство, они все время соблазняются мелкимъ бѣсомъ словесной и образной эквилибристики. Слои эстетизма, нигилизма и формализма послѣднихъ лѣтъ, подчеркиваю, въ импортномъ, — falsificatio rossica — пониманіи этихъ названій, явились почвой для интимизма.

Говоря о формѣ и содержаніи, я стремился подчеркнуть невозможность «самопроизвольнаго зачатія» — поэта безличнаго и безидейнаго.

Права «какъ» столь же незыблемы какъ и права «что» — въ качествѣ не самоцѣли, но умѣнія выражать. Я не только не возстаю противъ «умѣнія писать стихи», но считаю его необходимой обязанностью поэта. Имѣть что сказать и умѣть сказать — вотъ двухчленная формула, превращающая слова въ глаголы.

Форма, понимаемая какъ нѣчто самодовлѣющее, голое умѣніе писать гладкіе стихи, увѣренность въ безотвѣтственности поэта и страхъ передъ всякимъ усиліемъ, передъ всякой заданностью, кромѣ обязанности поклоняться «хорошей строкѣ» — вотъ причины упадка и безплодія современной молодой поэзіи. Именно въ ложной идеѣ, что поэтомъ можно стать, выучившись дѣлать стихи (хотя бы у ч и т е л я отъ такого пониманія и открещивались) кроется разгадка недавняго поэтическаго столпотворенія и утраты критерія для отличія настоящаго отъ поддѣльнаго.

Юрій Терапіано.

БИБЛІОГРАФІЯ.

«БОРЬБА ЗА РОССІЮ».

Тема не особенно интересная для служителей «чистаго» искусства. Но, конечно, найдутся у «Новаго Дома» читатели, которые еще не потеряли вкусъ къ борьбѣ и къ Россіи. Для нихъ я и хочу сказать два слова о журналѣ «Борьба за Россію», поднявшемъ столько шума и споровъ среди эмиграціи.

Спорятъ о журналѣ, но гораздо болѣе о соединеніи, въ редакціи, такихъ несоединимыхъ по «направленію» лицъ, какъ, напримѣръ, Мельгуновъ и Карташевъ. Это меня удивляетъ. Важно, прежде всего, разсмотрѣть и понять, что такое — журналъ, каковъ его обликъ; тогда, въ связи съ вліяніемъ на него редакціоннаго «объединенія», можно дать и послѣднему справедливую оцѣнку.

О самой идеѣ русскаго свободнаго журнала для несвободныхъ русскихъ людей — не спорятъ. Да и какія могутъ быть тутъ возраженія? Удивительно, что никто до сихъ поръ о такомъ журналѣ не подумалъ.

Но подумать мало: надо сдѣлать. Сдѣлать тоже мало: надо, чтобъ дѣло было дѣловое, т. е. чтобы оно какъ можно болѣе приближалось къ выполненію конкретныхъ задачъ. Вопросъ о степени дѣловитости «Борьбы за Россію» — не пустой вопросъ.

Россія велика. Условія жизни въ Россіи — ужасны. Но для разныхъ людей ужасны *поразному*. Одни объ ужасѣ еще и не подозрѣваютъ; другіе видятъ его во внѣшнихъ слѣдствіяхъ, не связывая съ коренной причиной; третьи — знаютъ и ужасъ, и причину. (Третьи — это, конечно, группы оставшихся старыхъ интеллигентовъ). Такого дѣленія, въ грубыхъ чертахъ, намъ пока достаточно. И я спрашиваю: гдѣ именно «Борьба за Россію» хочетъ найти читателей? Для какого слоя русскихъ людей журналъ издается? Группа интеллигентовъ вовсе не такое ничтожное явленіе, чтобы для нея одной не стоило издавать журнала. Однако, если судить по уже вышедшимъ №№, «Борьба за Россію» не для этой группы. «Мы зовемъ къ непримиримости»... вотъ первая фраза перваго номера. Какой смыслъ обращаться съ подобнымъ призывомъ къ старымъ интеллигентамъ, которые, сидя тамъ, все таки, до сихъ поръ, не перешли на сторону совѣтской власти? (Къ тѣмъ, которые перешли, смысла еще меньше). Разсматривая далѣе содержаніе номеровъ, рядъ статей Мельгунова, Карташева, Бурцева, Рысса, Изгоева, — я опять не вижу, какой хотя бы интересъ могутъ онѣ представить для тамошняго интеллигента? Его заинтересовали-бы, пожалуй, какія нибудь фактическія данныя касающіяся европейскихъ, эмигрантскихъ и большевицкихъ дѣлъ, свѣдѣнія, не проникающія за со-

вѣтскія рогатки. Но на что ему «развитіе мыслей» о непримиримости, разсужденія о «Великой Россіи» Карташева и обычныя проклятія большевикамъ — Бурцева»? Старый интеллигентъ и мысли эти давно знаетъ, и авторовъ, конечно, помнитъ. Какъ голосъ изъ прошлаго — журналъ можетъ ему быть пріятенъ на минуту; но врядъ-ли прочтетъ онъ его — весь, безъ скуки и разочарованія.

Мало того: вѣдь и старые интеллигенты въ Россіи, *теперь*, уже не однородны: и среди нихъ, какъ и среди зарубежныхъ, свои раздѣленія. Не оставляя непримиримости — они идутъ *дальше:* и не боятся потерять ее, когда расходятся на первомъ перекресткѣ. Я знаю, напримѣръ, одного совершенно непримиримаго интеллигента, который недавно прислалъ рѣзкое осужденіе «политикѣ Карташева; другой, быть можетъ, пошлетъ ей привѣтствіе...

На какихъ-же читателей разсчитываютъ редакторы «Борьбы за Россію»? Объединенные только непримиримостью, предлагающіе, какъ оружіе для борьбы, только непримиримость, — къ кому они обращаются? Можетъ быть, къ перепуганнымъ слоямъ, сродне-низшимъ, полу-культурнымъ, четверть-культурнымъ и т. д., гдѣ всего есть, и хорошаго и дурного, только теперь — хорошаго-забитаго и дурного-взлелѣяннаго? Увы: журналъ, въ данномъ его видѣ, еще меньше заинтересуетъ эти широкіе круги, нежели интеллигентовъ. Статьи, разсужденія, «развитіе мыслей» о Россіи, большевикахъ и непримиримости покажутся имъ (пусть несправедливо) просто скучнѣйшимъ вздоромъ.... если журналъ и попадетъ къ нимъ въ руки. Чего добраго, само слово «непримиримость», ассоціированное съ этой «скукой», имъ опротивѣетъ...

Но еще вопросъ, дойдетъ-ли журналъ до широкихъ круговъ. Руководители его ничѣмъ не хотятъ для этого жертвовать, даже внѣшнимъ. Напримѣръ — орфографія. Я — первый противникъ такъ называемой «новой». Но я первый подалъ бы голосъ за эту проклятую «новую» — для журнала, который долженъ проникать въ современную Россію. Я, можетъ быть, и «Борьбой за Россію» его-бы еще не назвалъ. Это не помѣшало бы говорить о необходимости борьбы, а въ то-же время не дѣлало-бы изъ имени журнала неопредѣленнаго объявленія безъ указанія адреса. Вѣдь журналъ, хоть и называется «Борьбой», отвѣта насчетъ борьбы, какая она, въ чемъ, — не даетъ. За Россію... — какую? тоже нѣтъ отвѣта. Имена редакторовъ, объединенныхъ лишь отрицательнымъ принципомъ не примиримости позволяютъ предполагать, что когда настанетъ часъ борьбы — бороться будутъ *не* за одинаковую Россію. «Часъ насталъ!» говорятъ они. Если насталъ — тѣмъ хуже: поздно искать, знамени для готоваго въ походъ войска, а одной «непримиримости» — для похода — *мало*. Даже «Россіи» мало. Съ опредѣленной ложью трудно бороться *неопредѣленной* правдой.

Но часъ борьбы, кажется, еще не насталъ, — только наступаетъ. Насталъ онъ, и давно , для подготовки борьбы, насталъ и для свободнаго журнала, который, проникая въ Россію, дѣлалъ бы тамъ нужное дѣло. Такой журналъ, въ моемъ представленіи, былъ-бы сначала лишь «Правдой о Россіи», правдой, которую живущіе въ Россіи *не знаютъ*. Они ея дѣйствительно не знаютъ, и не могутъ знать, какъ заключенные въ одной камерѣ не могутъ знать, что дѣлается въ другой, сосѣдней, или въ квартирѣ начальника тюрьмы («на волѣ» — ужъ и не говорю).

Задача «информаціонная», на видъ скромная, не легка, однако; и требуетъ не малыхъ жертвъ. Орфографія — пустяки, но вѣдь надо, въ какомъ-то смыслѣ, отказаться отъ себя, отъ собственныхъ разсужденій во всякомъ случаѣ. Понять, что и самыя благородныя, возвышенныя, — никого теперь не зажгутъ. А собирая невѣдомую тамъ правду, надо снизиться до конкретности, побѣдить брезгливость... даже къ анекдоту. Демагогія? Нѣтъ, только *милосер-*

діе. Основа демагогіи — ложь, а здѣсь основа — правда.

Это все сторона — почти внѣшняя. Еще труднѣе внутренняя. Еще ближе и строже тутъ надо всматриваться въ реальную дѣйствительность и съ ней считаться. Я уже говорилъ о теперешней тягѣ въ Россіи къ опредѣленности, о жаждѣ какъ то разобраться, хотя бы въ желаніяхъ своихъ и надеждахъ, но до конца. Тамошняя интеллигенція начинаетъ раздѣляться (и раздѣленій этихъ не боится). Что-то вродѣ происходитъ, безсознательно или полусознательно и въ другихъ слояхъ, — ниже, глубже...

Учитываютъ-ли эту дѣйствительность редакторы «Борьбы за Россію»? Можетъ-ли данная коалиціонная редакція, если даже видитъ эту реальность, съ ней считаться?

Вотъ тутъ только намъ и приходится обратиться къ тому лѣво-правому редакціонному «объединенію», самый фактъ котораго вызвалъ столько протестовъ.

Странные протесты. Откуда они? Ничего новаго не случилось. Карташевъ и Мельгуновъ (возьмемъ эти имени символически) соединились... на непримиримости. Но они вовсе не «соединились», они и раньше были вмѣстѣ... непримиримы. Ново только дитя, родившееся отъ этого соединенія, — «Борьба за Россію» — но и дитя совершенно естественное, такое, какое и могло родится. Для «Борьбы за Россію» нѣтъ нужды ни Мельгунову правѣть, ни Карташеву лѣвѣть: «во главу угла» журнала они поставили камень «непримиримости». Поставивъ его «во главу» — они поставили и условія, напоминающія немного условія извѣстной дѣтской игры: «барыня прислала сто рублей, что хотите, то купите, да и нѣтъ не говорите, бѣлаго и чернаго не покупайте». Журналъ зоветъ къ непримиримости, проповѣдуетъ непримиримость. ... а дальнѣйшаго «не предрѣшаютъ» ни Мельгуновъ, ни Карташевъ.

Поэтому мнѣ совершенно непонятна крайняя позиція «Послѣднихъ Новостей». Газета, какъ будто, видитъ въ самомъ этомъ блокѣ что-то непріемлемое, почти преступное, во всякомъ случаѣ неестественное. Какое отсутствіе мѣры! Оцѣнивать это соединеніе возможно лишь оцѣнивая его результатъ, — журналъ, какъ таковой, — что я и дѣлаю. Исполнитъ-ли онъ, *въ данномъ своемъ видѣ*, нужное дѣло? Соотвѣтствуетъ-ли онъ моменту? Можно или нельзя класть «непримиримость» во главу угла, и... чтобы ни шагу — дальше? Исходя изъ предположенія, что въ Россіи уже существуютъ или намѣчаются, приблизительно наши-же раздѣленія, что одной непримиримости тамъ уже *мало*, слѣдуетъ отвѣтить: нельзя. *Уже* нельзя. Но каждый изъ разно»мыслящихъ (обо всемъ, что «дальше») редакторовъ считаетъ, вѣроятно, что можно. И если они, соединяясь, добровольно ограничиваютъ себя тѣмъ, въ чемъ дѣйствительно согласны, — они правы, и соединеніе ихъ ни съ какой стороны критикѣ не подлежитъ. Часть эмиграціи, которая, подобно Посл. Новостямъ его критикуетъ — дѣйствуетъ прежде всего, нелогично. Противъ чего она возражаетъ? Вѣдь не противъ-же «непримиримости?» Или на узкой, — но крѣпкой — доскѣ непримиримости не стоятъ они всѣ рядомъ, — и Карташевъ, и Мельгуновъ, и Струве, и Милюковъ, и Керенскій? Керенскій обидѣлся-бы, не дай мы ему мѣста въ этомъ ряду. Все дѣло — въ «шагѣ дальше». Карташевъ и Мельгуновъ, чтобы оставаться вмѣстѣ, рѣшили не дѣлать дальше *никакихъ* шаговъ. Правильное рѣшеніе или неправильное, и ожидаемые-ли дастъ оно плоды — вопросъ другой. Объединенные редакторы «Борьбы за Россію» не будутъ, конечно, протестовать противъ свободной критики ихъ журнала. Но судить и осуждать самое объединеніе, такое прямое и такое естественное — болѣе, чѣмъ безполезно. Ни съ правой, ни съ лѣвой точки зрѣнія (антибольшевицкой, конечно) — оно суду не подлежитъ.

Левъ Пущинъ.

ПИСЬМО ГЕОРГІЮ АДАМОВИЧУ.

Дорогой Георгій Викторовичъ,

прочелъ Вашу статью о «Новомъ Домѣ» и совершенно убѣдился, что онъ Вамъ не по душѣ. Что то Васъ отталкиваетъ отъ этого журнала. Говорю «что то», ибо истинная причина не вполнѣ ясна. Не сразу можно понять въ чемъ дѣло, что именно Вамъ въ «Новомъ Домѣ» «не нравится». Разобраться въ этомъ мнѣ и хотѣлось бы.

Начнемъ съ конца, съ вывода. Вы заключаете Вашу статью вопросомъ: «Не перестать-ли «Новому Дому» печатать стишки, да разсказы, не заняться ли только размышленіями?» Ибо: «рано или поздно, если не свернетъ съ дороги, онъ къ этому неизбѣжно придетъ». Такимъ образомъ, Вы хотите сказать, что «Новый Домъ», заявивъ себя журналомъ идейнымъ, долженъ отказаться отъ искусства, ибо идейность съ искусствомъ — несовмѣстима. Не это-ли и отталкиваетъ Васъ отъ журнала, и не потому-ли кажется Вамъ, что въ немъ есть что-то «студенческое», «отвлеченное»?

Но такъ ли ужъ несомнѣнно, что идейность есть нѣчто отвлеченное, исключающее, конечно и весь «міръ явленій», — не одно только искусство? Не потому ли Вы придерживаетесь этого, весьма распространеннаго, взгляда, что, по Вашему, съ «міромъ идей» не можетъ быть никакого сообщенья? Онъ — самъ по себѣ, Вы — сами по себѣ. И всякій призывъ къ идейности для Васъ поэтому — праздныя отвлеченности, что-то вродѣ приглашенія къ путешествію на луну, или къ переходу въ четвертое измѣреніе. Впрочемъ, острота вопроса не въ этомъ, а вотъ въ чемъ: какъ объяснить Ваше длительное пребываніе на столь безрадостной и отнюдь небезапосной позиціи,—небезопасной, ибо Вы отлично понимаете, что жить безъ идей, безъ возможности какъ то съ ними соприкоснуться, то же, что жить подъ землей безъ воздуха. Въ концѣ концовъ, задохнешься. Что же мѣшаетъ выйти вамъ изъ тупика?

Отвѣчу прямо: все препятствіе — въ Васъ. Вы сами накинули себѣ петлю на шею и не знаете, какъ высвободиться. Чѣмъ больше изъ нея вырываетесь, тѣмъ туже она затягивается. И, конечно, борясь противъ «отвлеченностей» «Новаго Дома», не противъ нихъ боретесь, а противъ себя, боретесь съ Вашимъ собственнымъ противорѣчіемъ. И не на противорѣчіи ли основано Ваше отношеніе къ идейности?

Вѣдь положеніе для Васъ, приблизительно, такое: «міръ идей», согласно съ умнымъ Кантомъ, — трансцендентенъ, но безъ идей жить невозможно. Идеи же хороши и полезны, когда въ нихъ есть порядокъ. Но не всякій порядокъ хорошъ, или точнѣе, *всякій порядокъ относителенъ*, ибо субъективенъ. Такимъ образомъ, порядкомъ *можетъ быть* и произволъ. И вотъ результатъ: приводить идеи въ порядокъ — не значитъ ли искажать ихъ? А слѣдовательно и пользы отъ нихъ, кромѣ вреда, никакой. Вы, можетъ быть, скажете: все дѣло — въ мѣрѣ? Но что такое мѣра безъ абсолютнаго критерія? А Вамъ его добыть неоткуда, ибо не исходите-ли Вы именно изъ предпосылки, что такого критерія — нѣтъ? И въ этомъ, конечно корень всѣхъ Вашихъ противорѣчій.

Вы говорите: «лукавый Божьи карты спуталъ» и очень вѣрно прибавляете: «надо ихъ разсортировать». Но едва X или У приступаетъ къ разбору, какъ у Васъ начинаются сомнѣнія: почему такъ, а не иначе? Что есть истина? И Вы совѣтуете: «Лучше ничего не осмысливая и ничего не приводя въ порядокъ, просто держать карты въ рукѣ, хранить въ памяти «міро-

вую чепуху» для будущихъ временъ, какъ матеріалъ, который кто-нибудь, когда-нибудь упорядочитъ». По крайней мѣрѣ «не отвлеченно» и безъ риска.

Но вѣдь и черезъ двѣсти-триста лѣтъ положеніе останется тѣмъ же. Почему у желающаго произвести «чистку» не потребуетъ опасливый человѣкъ (невѣріе въ себя родитъ опаску) «мандатъ на истину», какъ Вы требуете его нынѣ отъ «Новаго Дома»? И наконецъ, такъ ли ужъ Ваша позиція безопасна? Лукавый Божьи карты спуталъ вѣдь не для того, чтобы онѣ покоились безъ употребленія. Къ несчастью, онъ ихъ пустилъ въ оборотъ и, судя по тому что мы проиграли, въ оборотъ весьма удачный. Проиграли же мы почти все, даже тѣло свое. Осталась — одна душа,— совѣсть съ сознаніемъ. На это и идетъ сейчасъ игра — очень тонкая — и всѣ мы безъ исключенія, въ ней участвуемъ. Играть въ слѣпую теперь — это вѣрная гибель. Вотъ почему «Новый Домъ» и призываетъ къ идейности — къ выбору, къ разбору. Пора бы, въ самомъ дѣлѣ, разобраться немножко и въ себѣ и, значитъ, и въ картахъ, — какая отъ Бога, какая отъ лукаваго. Можно отвертываться, обманывать себя, будто за насъ отвѣтятъ какія-то грядущія поколѣнія... Отвѣтятъ, или нѣтъ, но мы то пока проиграемъ наше послѣднее, — совѣсть и душу, — т. е. всѣ мы, и я, и Вы, — «смертью умремъ».

Улыбается ли Вамъ, дорогой Георгій Викторовичъ такая перспектива?

Вл. Злобинъ.

РАЙНЕРЪ-МАРІЯ РИЛЬКЕ.

† 30-го Декабря 1926 г.

Въ лицѣ недавно скончавшагося поэта Р. М. Рильке не одна только саксонская муза утратила высокаго избранника. Его творчество—достояніе всей міровой поэзіи.

Причины того, что лирика Рильке рано утратила чисто-національный характеръ, своеобразны и исключительны; ихъ надлежитъ искать не въ грандіозности замысла, не въ обще-человѣчности созданныхъ типовъ — заданій, подобныхъ гетевскимъ, никогда и не ставилъ себѣ Рильке. Его значеніе — въ особенностяхъ міровоззрѣнія и характера, въ томъ, какъ онѣ преломились въ его произведеніяхъ. Эти особенности и попытаемся мы опредѣлить въ общихъ чертахъ, и тѣмъ воздать скромную дань памяти покойнаго поэта.

Обратимся прямо къ нѣкоторымъ выводамъ, внѣ послѣдовательнаго разбора литературнаго наслѣдія Рильке, и не вдаваясь въ какую либо оцѣнку, а какъ бы продолжая разговоръ, возникшій въ его присутствіи.

О Рильке писали, еще при жизни его, что онъ являетъ типичный характеръ романтика, не имѣющаго родины. Съ нашей точки зрѣнія, онъ просто былъ сыномъ Европы — многихъ ея странъ, такъ какъ носилъ въ себѣ культурныя сокровища различныхъ націй, и его отечество не огра-

инчивалось страной рожденія, въ кей не укладывалось. Къ тому же въ его жизни мало имѣли значенія соціально-общественныя условія и связи. Въ немъ сочетался вѣчный странникъ и монахъ; обще-человѣческое было въ немъ неизмѣримо ярче и властнѣе, чѣмъ концепціи и черты національныя. Даже одного родного ему языка оказалось мало для творчества; случай безпримѣрный, — Рильке изучилъ и усвоилъ, въ возрастѣ 35 - 40 лѣтъ, языкъ кореннымъ образомъ чуждый нѣмецкому, но и въ послѣдней его книгѣ, написанной по французски, звучатъ всѣ особенности его индивидуальной ритмики.

Рильке обратился къ французскому языку, какъ бы исчерпавъ въ нѣмецкомъ то, что для поэта въ немъ дышало непосредственной свѣжестью. Въ строѣ французскаго языка, въ согласіи, или, вѣрнѣе, въ разрѣшеніи диссонансовъ новыхъ созвучій, въ яркости точныхъ и недостававшихъ ему понятій, онъ искалъ, въ сочетаніи съ прежнимъ творчествомъ на родномъ ему языкѣ, нѣкую обновленную гармонію всѣевропейской рѣчи. Такъ продолжалось странствованіе Рильке — не въ поискахъ родины, а въ необозримыхъ предѣлахъ единаго его отечества.

Путешествуя по Россіи, Рильке и въ ней не переставалъ себя чувствовать, какъ въ мірѣ давно ему знакомомъ, словно воскресавшемъ въ его памяти. Конечно, если разсматривать Рильке только какъ романтика, то и это легко объяснить тѣмъ, что въ русскомъ быту онъ нашелъ больше осколковъ и пережитковъ романтизма, чѣмъ на современномъ ему западѣ. Но связь его съ Россіей глубже. Она прежде всего въ его символическомъ міропониманіи и въ его мистицизмѣ.

Рильке сознавалъ свою принадлежность не одной только землѣ, и съ необычайной ясностью предчувствовалъ иную область происхожденія своего скитальческаго духа. Изъ этого вытекаютъ двѣ отличающія Рильке черты — одухотворенность всего имъ видимаго въ его творчествѣ, и отношеніе поэта къ смерти.

Рильке всегда стоялъ на грани двухъ міровъ, на пути отъ одного бытія къ другому. Присутствіемъ чего то незримаго окружающимъ онъ самъ былъ переполненъ,проникнутъ; имъ же онъ пронизывалъ міръ видимаго и ощутимаго, область вещественнаго. Хоть и вводилъ онъ въ этотъ міръ только себя, со своей застѣнчивой, мягкой, человѣчной любовью къ окружающему, но входило съ нимъ и все, что было въ немъ или передъ нимъ неизмѣнно стояло. Отсюда неожиданность его выводовъ и согласованій причинъ со слѣдствіями. Потому то все, о чемъ бы онъ ни говорилъ, кажется предстоящимъ намъ съ еще невѣдомой стороны, въ незнакомомъ освѣщеніи, и въ ритмическомъ строѣ поэта всѣ слова его обрѣтаютъ необычную яркость, всю полноту жизни. Въ этомъ близокъ Рильке и нѣкоторымъ русскимъ лирикамъ.

Изъ того, какъ совершаетъ онъ свое земное странствованіе, вытекаетъ и его отношеніе къ смерти. Съ ней бытіе его только измѣняется, и за ней есть для Рильке новое развитіе. Смерть несетъ въ себѣ откровеніе. Она — ядро, заключенное въ каждомъ существѣ съ рожденія, она становится плодомъ пережитаго. Поэтому она представляется Рильке глубоко индивидуальной, въ ней (или за ней) находитъ свое выраженіе содержаніе каждой жизни. Онъ проситъ у Бога особой смерти для каждаго человѣка, и наконецъ прямо говоритъ:

Жизнь — это только сонъ иного сна,
Бдѣніе не въ ней...

Часъ смерти для Рильке —«часъ, котораго улыбка несхожа со смѣхомъ другихъ часовъ жизни», и часъ, смолкающій передъ Непреходящимъ. Рильке ушелъ

въ вѣчность черезъ прикосновеніе той, о комъ и онъ сказалъ бы:

Гробовый остовъ ей даруя
Не ополчу ее косой.

Онъ, казалось, глубоко сознавалъ, что вѣчность и есть безъимянное, но точно опредѣленное бытіе «межъ бдѣніемъ и сномъ» — предѣлъ нашего земного разумѣнія.

Такъ рано, но такъ мирно и естественно подошелъ къ этому предѣлу Рильке.

Б. Власьевскій.

ОТЪ КОНТОРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НОВЫЙ ДОМЪ»

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала, контора издательства проситъ Г.г. подписчиковъ, подписавшихся на первые три номера журнала «Новый Домъ», возобновить подписку заблаговременно. Подписка принимается на три и на шесть номеровъ, начиная съ любого номера.

Всю денежную и заказную корреспонденцію слѣдуетъ адресовать:

M. le Gèrant de „Novy Dom", 51, rue Vivienne, Paris (2e)

Для удобства подписчиковъ, контора предлагаетъ имъ вносить деньги непосредственно на почтовый текущій счетъ издательства, (что можетъ быть произведено въ любой почтовой конторѣ Франціи)

Compte Chèques Postaux — PARIS N° 509S1

Подписчики, предъявляющіе квитанцію конторы журнала въ пріемѣ подписной платы, пользуются скидкой въ размѣрѣ 10 проц. въ книжн. маг. «МОСКВА».

Квитанціи высылаются немедленно по полученіи денегъ.

Продолжается подписка на

„Новый Домъ“

Литературный журналъ.

Подъ редакціей:
Довида КНУТА, Юрія ТЕРАПІАНО и Всеволода ФОХТА.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Георгій Адамовичъ, М. А. Алдановъ, Н. Бахтинъ, Нина Берберова, И. А. Бунинъ, Б. Буткевичъ, В. Вейдле, Б. Власьевскій, З. Н. Гиппіусъ, Борисъ Зайцевъ, Вл. Злобинъ, Георгій Ивановъ, Довидъ Кнутъ, Галина Кузнецова, Ант. Ладинскій, Д. С. Мережковскій, П. Муратовъ, Ирина Одоевцева, Ник. Оцупъ, Георгій Песковъ, Георгій Раевскій, Николай Рощинъ, Глѣбъ Струве, Мих. Струве, Юрій Терапіано, Всеволодъ Фохтъ, Владиславъ Ходасевичъ, М. Цетлинъ и др.

Подписная цѣна:
на три номера— 10 фр.; на шесть номеровъ— 20 фр. Подписка принимается съ любого номера.

Цѣна номера въ отдѣльной продажѣ:
Во Франціи — 3 фр. 75 сант. — 3 frs. 75 c.
Въ Америкѣ — 15 амер. центовъ.

ПОДПИСЧИКИ, предъявляющіе квитанцію конторы журнала въ пріемѣ подписной платы, пользуются **скидкой** въ размѣрѣ 10 проц. въ книжномъ магазинѣ «МОСКВА».

Генеральное представительство и складъ изданія въ книжн. маг.
Librairie «MOSKWA», 9, rue Dupuytren. Paris VI.

Адресъ редакціи и конторы: «NOVY DOM», 51, rue Vivienne. Paris 2. Tel. Louvre 23-79

Контора открыта ежедневно отъ 5 ч. до 6 ч. веч.

Пріемъ по дѣламъ редакціи — по пятницамъ отъ 6-ти до 9-ти часовъ вечера. Рукописи, доставляемыя въ редакцію, должны быть четко переписаны, по возможности на машинкѣ. Непринятыя рукописи хранятся въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Рукописи, объемомъ менѣе печатнаго листа, не возвращаются. На обратную доставку рукописей должны быть приложены почтовыя марки.

При издательствѣ «НОВЫЙ ДОМЪ» открыта КНИЖНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ. Всѣ классики и новинки русскаго книжнаго рынка. Съ оригинальныхъ издательскихъ цѣнъ — СКИДКА въ 10 проц. При заказахъ на сумму свыше 25 фр. — пересылка за счетъ экспедиціи. Подписчикамъ на журналъ «НОВЫЙ ДОМЪ» особо льготныя условія. Съ заказами просятъ обращаться (можно письменно) въ контору издательства.

Экспедиція выполняетъ порученія по пріисканію довоенныхъ русскихъ изданій и всевозможныхъ техническихъ книгъ и пособій.

Книжный магазинъ „МОСКВА“ въ Парижѣ.

LIBRAIRIE RUSSE ET FRANÇAISE „MOSKWA“

9, Rue Dupuytren (Boulevard Saint-Germain). Paris--6.

Téléphone: Fleurus 37-01.

Крупнѣйшій оптово-розничный складъ русскихъ книгъ за границей.

Представительство большинства русскихъ издательствъ.

Заказы выполняются въ день полученія по оригинальнымъ издательскимъ цѣнамъ.

Выписка въ кратчайшій срокъ любой книги, изданной въ Россіи — Г.г. Книгопродавцамъ и библіотекамъ издательскія условія.

Генеральное представительство по продажѣ нижеслѣдующихъ книгъ и журналовъ:

НАЖИВИНЪ. Перунъ.
НАЖИВИНЪ. Гдѣ наша земля обѣтованная.
НАЖИВИНЪ. Распутинъ I-III.
ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ. Кровавый рубинъ.
ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ. Къ счастью.
ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ. Поруганный.
КИСИЛЕВА. Мелкіе разсказы.
СТРАХОВСКІЙ. Мистерія въ 8-ми разсказахъ.
ВИНАВЕРЪ. Недавнее.
ПАСМАННИКЪ. Революц. годы въ Крыму.
СПИРИДОВИЧЪ. Исторія большевизма.
СВЯТОПОЛКЪ-МІРСКІЙ. Чѣмъ объяснить наше прошлое и что ждать отъ нашего будущаго.

КРАМАРЖЪ. Русскій кризисъ.
КОШКО. Очерки уголовнаго міра Царской Россіи.
Д-ЭРБИНЬИ. Церковная жизнь въ Москвѣ.
НОЛЬДЕ. Юрій Самаринъ и его время.
МАКАРОВЪ. Какъ натурализоваться во Франціи.
МАНАСЕИНЪ. Квартирный законъ.
ЕСЕНИНЪ. Избранныя стихотворенія.
РАФАЛОВИЧЪ. Терпкіе будни.
РАФАЛОВИЧЪ. Симонъ волхвъ.
ОЦУПЪ. Въ дыму.
БУЛКИНЪ. Стихотворенія.
КОБЯКОВЪ. Вишнякъ.

«ВЕРСТЫ», «НОВЫЙ ДОМЪ», «ЖАРЪ-ПТИЦА», «ЕВРАЗІЙСКАЯ ХРОНИКА» ВСѢ ИЗДАНІЯ: А. Ф. ДЕВРІЕНА, УМСА Прессъ, «ХУТОРЪ», А. ШРУТЪ, ЛАДЫЖНИКОВА, «ЭПОХА», «ГЕЛИКОНЪ», «КЛЕЙБЕРЪ», «ТАТЬЯНА», «ПОЛИГЛОТЪ», «ГАМАЮНЪ», «ПЕТРОПОЛИСЪ», «ОБЕЛИСКЪ», «ГЛИКСМАНЪ», и мн. др.

Каталоги, проспекты и списки новинокъ по требованію безплатно.

Представитель для Германіи:

Buchhanlung H. Sachs. A. G.

Vig. Hedemannstrasse 6,. Berlin SW 48.

АКЦ. ОБ-ВО ПЕЧАТН. ДѢЛА
„САЛАМАНДРА“

Литературно-художественный журналъ

„ПЕРЕЗВОНЫ“

выходитъ 1—2 раза въ мѣсяцъ при участіи
лучшихъ русскихъ писателей и художниковъ

Редакторъ литер. отдѣла — **Б. К. Зайцевъ**
Обложка — работы **М. Добужинскаго**

Въ каждомъ ном. **4 цвѣтныхъ репродукціи**, много иллюстр. въ текстѣ

Цѣна номера, начиная съ № 14, — въ Латвіи **50** руб., заграницей **25** цент., въ Америкѣ — **30** ам. цент.

Комплектъ 1925 г. №№ 1—8:

Въ Латвіи	Въ Литвѣ	Въ Эстіи	Заграницей
6 латовъ	**15 литовъ**	**500 эст. мар.**	**1 д. 50 цент. ам.**

Комплектъ за 1-ое полугодіе 1926 г. №№ 9—21:

Въ Латвіи	Въ Литвѣ	Въ Эстіи	Заграницей
12 латовъ	**30 литовъ**	**1000 эст. мар.**	**3 ам. дол.**

Плата можетъ быть внесена во всѣхъ почтовыхъ конторахъ на нашъ почт. тек. счетъ № 916 — Riga, Post-Schek-Conto № 916

Подписчики, желающіе получить журналъ заказной бандеролью приплачиваютъ 5 ам. центовъ за № (въ Латвіи 25 сант.)

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ:

Rigā (Lettonie), L. Kaleju ielā 43, тел. 20-76.

КОЛЛЕКЦІОНЕРЫ

Если вы ищете русскія почтовыя марки, то обращайтесь письменно къ спеціалисту

РУБЕНУ АРАФЕЛОВУ

6, rue Faustin Hélie — Paris XVI.

Полныя серіи русскихъ юбилейныхъ марокъ; совѣтскія и русскія довоенныя марки; грузинскія и азербейджанскія марки 1918, 1919, и 1920 г. Обмѣнъ и продажа всякихъ русскихъ и иностранныхъ марокъ. Имѣются дореволюціонныя гербовыя марки.

Le Gérant: M. Le Barillier.
Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.

ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1927 годъ НА

«ЗВЕНО»

иллюстрированный журналъ литературы и искусства, основанный М. М. Винаверомъ и П. Н. Милюковымъ, выходящій еженедѣльно въ Парижѣ на 16 стр.

Систематическіе обзоры текущей русской и иностранной литературы.
Беллетристика (разсказы оригинальные и переводные).
Новое въ искусствѣ. — Театръ и кинематографъ.

Годовые подписчики «ЗВЕНА», подпивавшіеся непосредственно черезъ главную контору (26, rue Buffault, Paris-IX·), ***получатъ въ видѣ безплатнаго приложенія:***
Собраніе стихотвореній Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Во Франціи: на 1 м. - **3** фр.; на 3 м. - **8** фр.; на 6 м. - **15** фр.; на 1 годъ - **28** фр.
За границей: на 1 м. - **5** фр.; на 3 м. - **13** фр.; на 6 м. - **25** фр.; на 1 годъ - **50** фр.
Для подписчиковъ «ПОСЛѢДНИХЪ НОВОСТЕЙ» льготныя условія.

5-ый г. изд. | **Старѣйшій въ эмиграціи иллюстрированный литературно-публицистическій и информаціонный двухмѣс. журналъ** | **5-ый г. изд.**

„ГОДЫ"

издав. ОРЭСО подъ редакціей
М. С. Ильяшевича, Г. Е. Флоріанскаго, И. А. Черкесова

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Н. А. Антиповъ, Аргусъ К. Бальмонтъ, К. П. Бельговскій, В. Ѳ. Благовъ, Ив. Бѣленихинъ, Н. Б. Бѣлогорскій, Н. В. Быстровъ, А. А. Валентиновъ, С. И. Варшавскій, В. И. Власьевъ, С. А. Водовъ, А. А. Воеводинъ, Г. Гребенщиковъ, А. Н. Ежовъ, проф С. В. Завадскій, прив.-доц. К. І. Зайцевъ, Я. Н. Зеленкинъ, А. С. Изгоевъ Вас. Ильинскій, М. С. Ильяшевичъ, В. А. Кадашевъ-Амфитеатровъ, проф А. А. Кизеветтеръ, Петръ Кожевниковъ, С. Н. Кондаковъ, С. А. Кречетовъ А. И. Купринъ, Бор. Лазаревскій, Вл. А. Лазаревскій, проф. И. И. Ласпо Вяч. Лебедевъ, Ив. Лукашъ, Анат. Луневъ, проф. В. А. Маклецовъ, Д. И. Мейснеръ, Б. Н. Неандеръ, Евг. Недзѣльскій, Галина Кузнецова, А. Ремизовъ Г. Рубановъ, С. Я. Савиновъ, Ив. Савинъ, И. Я. Савичъ, И. Г. Савченко, проф. П. А. Сорокинъ, Глѣбъ Струве, проф. П. Б. Струве, И. Д. Сургучевъ, Игорь Сѣверянинъ, Вал. Тарханова, В. Е. Татариновъ, И. Тидеманъ, А. А. Туринцев, Г. Е. Флюріанскій, прив-доц. Г. В. Флоровскій, кн. Д. А. Шаховской, С. В. Шпановъ, И. А. Черкесовъ, Е. Н. Чириковъ, кн. Н. А. Чхеидзе, Марина Цвѣтаева, К. К. Цегоевъ, прив.-доц. М. А. Циммерманъ, А. А. Яблоновскій, Марія Ханженкова, А. А. Хитьковъ, А. Б. Эфронъ и др.

Цѣна: отд. ном. 5 Кр. ч., за границей отд. ном. 15 ам. ц.
Контора и редакція: PRAHA. I, Ul. Karol. Světlé 16.
Генеральное представительство и складъ изданія:
«ПЛАМЯ» — «PLAMJA», Praha II, Jecná 32.

Открыта подписка на 1926-27 подписной годъ на журналъ

6-й годъ изданія. **„СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“** **6-й годъ изданія.**

Общественно-политическій и литературный журналъ
при ближайшемъ участіи
Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка и В. В. Руднева.
Въ текущемъ подписномъ году годовые подписчики получатъ:
ШЕСТЬ томовъ журнала, свыше 500 стр. убористаго шрифта въ каждомъ, и

ШЕСТЬ КНИГЪ ЛИТЕРАТУРНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ

состоящихъ изъ произведеній лучшихъ русскихъ писателей, по выбору подписчиковъ изъ слѣдующаго списка:

К. Бальмонтъ. «Даръ земли».
И. Бунинъ. «Господинъ изъ Санъ-Франциско».
И. Бунинъ. «Чаша жизни».
И. Бунинъ. «Деревня».
А. Купринъ. «Суламифь».
Д. Мережковскій. «14 декабря».
А. Толстой. «Навожденье».
А. Толстой. «Хромой баринъ».
З. Гиппіусъ. «Небесныя слова».
И. Шмелевъ. «Неупиваемая чаша».
Б. Зайцевъ. «Путники».
Н. Теффи. «Тихая заводь».
А. Купринъ. Разсказы для дѣтей.
Лонгфелло. «Пѣснь о Гайаватѣ».
Русскіе Писатели (Фонъ-Визинъ, Кантемиръ, Грибоѣдовъ; въ 1 томѣ, подъ ред. И. Бунина).

Въ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ УКАЗАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ СТОЯТЪ, съ пересылкой, около 100 франковъ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ВЪ ГОДЪ (исключительно черезъ Контору журнала) **за ШЕСТЬ КНИГЪ журнала и ШЕСТЬ КНИГЪ приложенія**

Во Франціи ..... **Фр. 165— съ пересылкой.**
Въ другихъ странахъ ..... **Дол. 6½ съ пересылкой.**

При обращеніи непосредственно въ Контору допускается **РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА:** половина при подпискѣ, другая половина — въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Всѣ 6 книгъ литературнаго приложенія высылаются **НЕМЕДЛЕННО** по полученіи подписной платы. Подписавшіеся въ разсрочку получаютъ книги по внесеніи послѣдняго взноса.

Подписная плата переводится по адресу Конторы журнала почтовымъ переводомъ или чекомъ.

Адресъ: **Administration de la Revue «Annales Contemporaines», 106, rue de la Tour, Paris XVI.**

Голос Минувшаго
НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ

Журнал исторіи и ист. литературы под ред. *С. П. Мельгунова и Т. И. Полнера.*

Вышла изъ печати четвертая книга:

СОДЕРЖАНІЕ:

Л. Н. Толстой. — Дневник 1854 г. *В. Г. Короленко.* — Письма 1887 г. *А. И. Деникинъ.* — Польша и Добровольческая Армія. *Антон Крайній.* — Мертвый дух. *Діонео.* — Старая Лондонская эмиграція. *И. Г. Савченко.* — Зеленая Кубань. *В. С. Озерецковскій.* — Культурная работа в совѣтской Россіи. *Ю. Делевскій.* — Дѣло Азефа и «семеро повѣшенныхъ». *Н. М. Могилянскій.* — На рубежѣ столѣтій. *В. Ф. Булгаков.* — В осиротѣлой Ясной Полянѣ (дневник 1913 г.). *Н. Н. Кнорринг.* — Александровская легенда. *С. П. Мельгунов.* — П. Н. Милюков о гражданской войнѣ и эмиграціи. *Б. П. Элькин.* — Нѣмецкій план интервенціи. *В. А. Мякотин.* — Памяти Чайковскаго. *А. А. Кизеветтер.* — А. А. Корнилов. *П. П. Милославскій.* — Книга о Россіи. Замѣтки: *П. Я. Рысса, А. В. Флоровскаго, А. И. Лясковскаго, Т. И. Полнера, В. А. Мякотина, С. П. Мельгунова, письма А. П. Чехова.*

Цѣна книги в отдѣльной продажѣ: 1 ам. долл.; в Америку — 1,20 ам. доллара.

Пріем подписки и склад изданія:

Société «N. P. KARBASNIKOFF», 23, rue de Richelieu, PARIS (I).